

Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин

Для детей

Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин

Для детей

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=7448315
Для детей: "*

Аннотация

«...Мне очень не хотелось ехать, но я поехал. Дети! когда вы умудритесь, то примете, что иногда слово «не хочу» совершенно естественно превращается в «хочу» и что человек, существо разумно-свободное, есть в то же время и существо, наиболее способное совершать такие движения, которые совершенно противоположны самым близким его интересам...»

Содержание

Годовщина	4
Добрая душа	20
Испорченные дети	39
I. Добрый служака	50
Общие замечания на сие сочинение	75
II. Добрый служака	80
Общие замечания на сие сочинение	105
Добрый патриот	107
Добрый патриот	109

Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин Для детей

Годовщина

Сегодня мне сорок лет. Помню, ровно двадцать лет тому назад я, точно так же, как и теперь, сидел дома – и вдруг кто-то позвонился в мою квартиру.

– Пожалуйста, ваше благородие! лошади готовы! – сказал, входя, унтер-офицер.

– Что такое? куда? зачем?

Он назвал мне одну из далеких северных трущоб, о которой никак нельзя было сказать, чтобы там росли апельсины.

Мне очень не хотелось ехать, но я поехал. Дети! когда вы умудритесь, то примете, что иногда слово «не хочу» совершенно естественно превращается в «хочу» и что человек, существо разумно-свободное, есть в то же время и существо, наиболее способное совершать такие движения, которые совершенно противоположны самым близким его интересам.

В то время я был очень добронравный, скромный и

безобидный молодой человек. Я мечтал о «счастьи», но не повторял вместе с Баратынским:

«О счастья с младенчества тоскуя,
Все счастьем беден я...»,

– а был счастлив действительно. В том полуфантастическом, но прекрасном и светлом мире, в котором я жил, не было ни станowych, ни квартальных, ни исправников, ни даже губернаторов. То есть не было именно тех станций, на которых слишком рассказавшееся «счастье» обязано останавливаться и поверять себя, действительно ли оно «счастье», а не посягательство, не безумие и не злоумышление. Впоследствии опытные люди удостоверили меня, что идея о «счастьи» может по временам оказываться равносильною злодейству, но тогда я ничего этого не понимал. Сказанные выше станции казались мне какими-то туманными точками, при встрече с которыми внимание мое скользило, как будто бы их совсем и не было. Я помню: я уже был тогда на службе и даже писал бумаги, но впечатление, которое оставило во мне это писание, было чисто механическое, или, лучше сказать, меня занимало не содержание бумаг, а те неведомые мне, полуфантастические личности, к которым они были адресованы. Живо представляет-

ся мне некоторый Григорий Козмич, которого фигура, как живая, стояла всегда перед моими глазами, фигура маленькая, с армянским типом, с длинным, согнутым крючком носом, с очками на глазах (в то время я его и в глаза не видал, но впоследствии, когда мне на него указали, он действительно оказался точь-в-точь таким, каким рисовало его мое воображение)...

Милостивый Государь Григорий Козмич!

писал я к нему ежедневно и постоянно заканчивал мое писание словами: «С истинным почтением и совершенною преданностью имею честь быть» и проч. О чем я ему писал, в том я и доныне не могу дать себе отчета, но помню, что мой добрый начальник отделения нередко призывал меня к своему столу и разъяснял, в каких случаях следует писать: «о последующем прошу не оставить меня уведомлением», и в каких – «об оказавшемся имею честь покорнейше просить почтить меня уведомлением». Середины, которая несомненно существовала между «милостивым государем» и «совершенным моим почтением», я никак не мог себе усвоить; она улетучивалась, как улетучивается сон, немедленно, вслед за пробуждением. Повторяю: я жил не личною, а какой-то общею жизнью, которая со всех сторон так и плыла и плыла на меня, так и затопляла своим светом, теплом и гармонией.

Так было и в ту минуту, когда добродушный унтер-офицер объявил мне, что необходимо ехать в отдаленную северную трущобу. Я ничего не понял, кроме того: кому и на что надобно, чтоб я ехал? А так как разрешения на этот вопрос не могло быть, то я машинально оделся, машинально вышел из квартиры и машинально же сел в тарантас. Я помню, что я не спросил даже, что это за трущоба и на слиянии каких именно рек она находится...

Дети! если вам случится встретиться на улице с русским унтер-офицером, спешите снять шапку и поклониться ему! Знайте, что это добрейшее и благороднейшее существо в целом мире, что это неиссякаемый источник незлобивости, нежной предупредительности и всяческого унтер-офицерского баловства!

По мере того как городской шум заглушается стуком колес тарантаса, по мере того как остаются позади городские здания, суровые глаза унтер-офицера, везущего вас в трущобу, смягчаются, а густые, преднамеренно нахмуренные брови постепенно разглаживаются, делаются обыкновенными, редковолосыми бровями, приличествующими всякому человеку, не натеревшему в ремесле театрального разбойника. Если в городе вы еще носили в глазах его характер казенной поклажи, то тут, на лоне загородной природы,

в виду уходящей в безграничную даль почтовой дороги, характер этот исчезает совершенно. Вы становитесь просто несчастным, вы делаетесь заблудшею, но все еще дорогою, все еще желанною овцою, для которой охотно отверзаются все сокровища заботливого унтер-офицерского сердца!

Я не шутя говорю: если за доблести и военную опытность признается справедливым постепенно производить из унтер-офицеров в генералы, то было бы столь же справедливо за благодушие и сердечную мягкость с тою же постепенностью производить из генералов в унтер-офицеры.

Я помню, как мы приехали в Шлюссельбург, или, по местному названию, Шлюшин, и как расходившееся Ладожское озеро заглушало не только говор, но даже крик наш. Я помню, как около «Сяссских Рядков» сломалась подушка у нашего тарантаса и мы вынуждены были остановиться часа на два, чтоб сделать новую; как станционный писарь смотрел на меня, покуда мы пили чай, и наконец сказал:

– Да, нынче «несчастных» довольно провозят!

Я помню, как мы приехали в недавно выгоревшую тогда Кострому; с каким остолбенением рассказывали нам о бывшем там пожаре; я помню, как мы перевалились наконец за Макарьев (на Унже), как пошли там какие-то дикие люди, которые на вопрос: нет ли

что поесть? – отвечали: – сами один раз в неделю печку топим! Помню леса, леса, леса...

Помню, что когда мы въехали в эту непросветную лесную полосу, я как будто от сна очнулся, и в голове моей ясно мелькнула мысль: да! это так! Это иначе и быть не должно! Одной этой мысли достаточно было, чтоб я вышел из моего нравственного оцепенения и понял мое положение во всем его объеме.

Я понял, что все это не сон. Что я сижу в тарантасе, что передо мной дорога, по которой куда-то меня везут, что под дугой заливается колокольчик, что правая пристяжная скачет и вскидывает комьями грязи... Не таинственным миром чудес глянули на меня леса макарьевские и ветлужские, а какою-то неприветливою пошло-отрезвляющею правдою будничной жизни.

– Что это, ваше высокоблагородие, уж не плакать ли выдумали! – утешал меня добрейший мой спутник, – а посмотрите-ка, птицы-то, птицы-то в лесу сколько! а рыбы-то в реках – даже дна от множества не видать.

Но, несмотря на это, я продолжал плакать. Мне казалось, что здесь, на этом рубеже, я навсегда покинул здание мысли, любви и счастья, к которому так безрасчетливо привязалось мое молодое воображение, и что затем я уже бесповоротно вступаю в область рябчиков, налимов и окуней.

Я давно простил. Быть может, мне скажут, что с моей стороны очень смешно изрекать прощение, которого никто не добивается, о котором никто не думает. Я знаю: действительно, никто не добивается, никто не думает, и тем не менее факт прощения – совсем не претензия, а право. Это сладчайшее из всех прав человеческого сердца; это право, возникающее само собой, помимо всяких соображений об его уместности или неуместности.

Но есть обида, которая и доныне дает мне чувствовать себя. Этой обидой я называю ту сердечную робость, ту потребность примирения, которые, как вор, прокрались в мое существование. С той минуты, как я перешел за рубеж, с той минуты, как я в первый раз сказал себе: да! это так! это иначе и не должно быть! – эта мысль с течением времени до того укоренилась во мне, что никакая неожиданность уже не кажется мне неожиданностью и слово «сюрприз» потеряло для меня всякое обаяние. Я сознаю всю тусклость и невразумительность этих немногих слов, и в то же время не могу найти иных, которые полнее объясняли бы то, что подчас кажется человеку непонятым или неудовлетворительным.

Я совсем не хочу сказать этим, что человек имеет право проходить мимо тех или других явлений жизни, не ощутив по поводу их чувства радости или огорчения, чтоб он был прав, ограничиваясь одним объяснением их; я говорю одно: бывают такие печальные моменты в истории личного человеческого развития, когда человек доходит до уразумения целого порядка явлений, которым можно *только* подчиняться, по поводу которых не остается ничего другого, как только махнуть рукою.

Очень трудно считать явление неясным или незаслуживающим внимания по одному только, что оно в самом деле неясно и внимания не заслуживает. Бывают истины совершенно невнятные, но по поводу которых в человеческом уме возникает вполне определенное и притом очень рельефное представление. Нам очень часто говорят: «Не твое дело!», и хотя при этом не объясняют или объясняют с значительными недомолвками, почему известное дело не наше, тем не менее мы не можем не понять, что выражение «не твое дело!» совсем не равносильно выражению «твое дело!» и что к исполнению преподается не первое, а второе. И благо нам, если мы покоримся этой невнятной истине машинально, с зажмуренными глазами; благо нам, если мы не захотим понять более.

Если мы захотим понять более, для нас уже недо-

статочно будет ломать многострадальные наши головы над тем или другим словом, над тем или другим происшествием. Нам надобно будет вступить в область более обширную, в ту область, из которой исходят все наши жизненные неясности и в которой совершенно естественно укладываются все эти «не твое дело», «не трогай», «не рассуждай», «не моги», подливающие столько горечи в существование человека, застигнутого ими врасплох. Желательно ли было бы для нас слишком беспрепятственное проникновение в эту область?

Прежде всего нельзя сказать, чтоб доступ в эту область сам по себе был легок и чтоб дверь в нее отпиралась настежь перед всяким, кто желает войти в нее. Область, о которой я говорю, – это сама жизнь, не украшенная цветами, не расцвеченная флагами, но жизнь строгая, исторически сложившаяся, спутанная.

Но и помимо той трудности, с которою дается нам эта темная область, спросим себя, что, в сущности, мы приобретаем, проникнув в нее? Мы приобретаем убеждение, что в жизни нет того противоречия, которое не было бы строго согласовано с другими противоречиями, нет той горькой неправды, которая не объяснялась бы неправдою еще горчайшею. Наконец, мы приобретаем способность ничем не возмущаться, ни перед чем не раскрывать удивленных глаз. Можно ли,

по совести, назвать такие приобретения драгоценными?

В этой нескончаемой сети неправд и противоречий человеческая личность сглаживается и исчезает. Петр, Иван, Андрей, Яков – все это не больше, как неясно намеченные точки, которые не свидетельствуют ни за, ни против чего бы то ни было, которые не могут служить ни доказательством, ни опровержением. Встает целый порядок, целый строй, который захватывает и правых и виноватых, и преследующих и преследуемых, и гонителей и гонимых, и при виде которого не придет даже на мысль протянуть руку помощи тому или другому Петру, тому или другому Ивану, потому что тут нет ни одного Петра, нет ни одного Ивана, который бы не нуждался в помощи.

Я знаю, многие называют подобные моменты человеческого развития моментами примирения, моментами разумного и трезвого созерцания жизни. Я, с своей стороны, нахожу, что их гораздо приличнее назвать моментами полнейшего индифферентизма и сердечной вялости.

Того ли нам нужно? из того ли обязаны мы биться, чтобы в конце концов получить печальное право с полною душевною невозмутимостью объяснять и оправдывать всякое жизненное противоречие, всякую жизненную неправду?

Нет, говоря по совести, в этом дряблом стремлении к всеоправданию именно и заключается та кровная обида, которая наносится человеку жизнью и о которой я говорил выше. Жизнь, лишенная энтузиазма, жизнь, не допускающая ни увлечений, ни преувеличений, есть именно та постылая жизнь, которая способна только мерить и сводить итоги прошлого, но совершенно бессильна в смысле творческом.

Нам необходимы подвиги, нам нужен почин. Очень часто мы безрассудствуем, мечемся из одной крайности в другую, очень часто даже погибаем; но во всех этих безрассудствах и колебаниях одно остается небезрассудным и неизменным – это жажда подвига. В этой жажде трепещет живое человеческое сердце, скрывается пылкий и никогда не успокаивающийся человеческий разум. Не смирать и охлаждать следует эту благодатную жажду, а развивать и воспитывать.

Вам, вероятно, не раз случалось присутствовать в обществе людей взрослых и, по-видимому, даже почтенных, которые по целым часам разговаривают между собою, но из разговоров которых все-таки невозможно извлечь ничего, кроме: «так-то», да «по-маленьку», да «полегоньку», да «тише едешь, дальше будешь». Увещания такого рода по большей части обращаются к юношам и имеют свойство приводить их в несказанное негодование. Вот эти-то тихо курлы-

кающие люди и суть те самые пустопорожные мудрецы, для которых все ясно как на ладони, но зато все и голо как на ладони. Представьте себе, например, такой случай: вдруг целый мир населяется подобными тихо курлыкающими мудрецами – что может из этого выйти?

Во-первых, вам, милым и умным детям, будет очень скучно, что вас занимают такими разговорами, в которых даже уцепиться ни за что нельзя; во-вторых, самая жизнь сделалась бы невозможной и, наверное, не замедлила бы протестовать. Не было бы ни открытий, ни изобретений; Америка была бы неизвестна, и вам не пришлось бы кушать печеного картофеля с свежим маслом, который вы так любите. Люди стали бы жить «помаленьку» да «потихоньку», то есть откладывали бы копейку к копейке, считали бы куриные яйца, писали бы отношения и предписания, а для чего они все это делают, для чего откладывают, считают, пишут – они, наверное, даже этого объяснить бы не сумели.

Конечно, эти тихо курлыкающие мудрецы, с которыми вам так часто случается встречаться в Петербурге, – далеко не то, что люди, сознательно предающиеся всеоправданию во имя исторической необходимости; но, говоря по справедливости, тут разница все-таки только в размерах и формах, а не в сущности

дела. Одно явление смешнее, мельче, пошлее; другое серьезнее и крупнее; но в обоих – одно зерно, и это зерно то самое, которое незаметно подтачивает и подрывает жизнь.

Говорят, будто «помаленьку» да «потихоньку» есть самая удобная форма жизни, и потому есть полное основание дорожить ею. Но надо быть очень близоруким, чтобы не увидеть, что в этом суждении есть очень большой пропуск.

Можете ли вы сказать, что вам удобно обходиться без чтения, потому только, что у вас книг нет? Что вы удобно ограничиваетесь одною растительною пищею, потому только, что в месте вашего пребывания нет мяса или оно вам не по средствам? – Конечно, нет, и вы, милые дети, этого никогда не скажете, потому что вы в то же время и умные дети. Вы скажете: я ограничиваюсь растительною пищею потому, что не могу иметь мяса, но не только не считаю этого удобством, но, напротив того, вижу тут большое для себя лишение. Но ведь поймите же, что удобства, которые рекомендуются поклонниками теории «помаленьку» да «потихоньку», принадлежат именно к числу тех удобств, о которых я сказал сейчас. Это удобства неведения, лености и робости, с которыми легко уживается и дикий Полинезии, и бедный, скудоумный самоед, но которые, в сущности, составляют са-

мое громадное и вопиющее неудобство.

Действительные и истинные удобства жизни достаются только подвигом и почином. Современный человек, обладающий самыми средними средствами, предъявляющий требования самые скромные, ни под каким видом не согласится добровольно возвратиться к той сумме удобств, которою пользовался во времена оны человек, обладавший некогда средствами, более нежели достаточными, и предъявлявший требования самые утонченные. Оказывается, что современный средний человек имеет под руками уже гораздо более жизненных удобств и приобретает их с гораздо меньшим трудом, нежели даже тот исключительный человек, который дорожил своими сравнительно скудными удобствами, как тяжело вырванною у жизни победою. Кто же дал современному человеку эти удобства? Кто даст их еще больше человеку будущего? Кто, как не человек подвига, бодрости и почина!

Вот и выходит, что иногда форма жизни, которая кажется нам самую удобною, на деле оказывается приносящею одни неудобства и лишения. Хорошо, по видимому, живется дикому Полинезии, но в том-то и штука, что она не может служить образцом ни для кого, кроме подобных ему диких.

Поэтому, ежели вы видите человека, который с нетерпением относится ко всякой несправедливости,

хотя бы она и не касалась его лично, который чужое горе считает своим собственным горем, чужую беду своею собственною бедою, которого горячее сердце откликается всякому доброму начинанию, всякому душевному слову, к телу которого близка не одна своя рубашка, но и рубашка ближнего, не спешите говорить про него: вот человек взбалмошный, строптивый и неучтивый, который сует свой нос, куда его не спрашивают! Такие скорые заключения прилично выводить оставшимся за штатом регистраторам (за это, впрочем, они и наказываются ссылкой на необитаемый остров, как вы видели это из первого моего рассказа), вы же, милые и умные дети, должны знать, что этот человек есть именно один из тех полезных и честных людей, отсутствие которых самым вредным образом отзывается на целом обществе, производя в нем оскудение добра. Нет нужды, что движения этих людей бывают нередко угловаты, что речь их обыкновенно резка, – вы должны снисходительно смотреть на эти, в сущности, ничтожные недостатки во имя добра, которое делают эти люди, во имя света, который они вносят в человеческую жизнь.

В добре вся сила жизни, в добре замыкается весь ее смысл. Итак, пускай регистраторы обзывают нас сварливыми и взбалмошными – мы знаем, что этими именами позорится горячее стремление к добру

и горячее искание истины. Будем же беспокойными и строптивыми, но да не охладится в сердцах наших лучшее достояние нашей жизни – энтузиазм к добру и к истине.

Добрая душа

Часто я думаю: что на свете всего милее? и как ни гадаю, всегда выходит один ответ: нет на свете милее доброй души человеческой. Конечно, не всегда хорошо живется доброму человеку; конечно, он даже чаще страдает, нежели другой, который смотрит, выпучив глаза, на мир божий, и нет ему дела ни до чьих великих горестей, но и страдает-то он как-то тихо, сладко, любяще...

Хорошо встретиться в жизни с добрым человеком: во-первых, он всегда много видел, мыслил и испытал, а следовательно, и рассказать и объяснить многое может; во-вторых, самая близость доброй души человеческой просветляет и успокаивает все, что бы ни прикоснулось к ней. Как доходят люди до того, что делаются совсем-совсем добрыми, что не обвиняют, не негодуют, а только любят и жалеют – это объяснить сразу довольно трудно. Однако можно почти без ошибки сказать, что достигнуть этого нельзя иначе, как путем постоянной работы мысли. Когда человек много мыслит, когда он рассматривает не только внешние признаки поступков и действий своих ближних, но и ту внутреннюю историю, которая послужила подготовкой для них, то очень трудно бывает оста-

ваться в роли обвинителя, хотя бы внешние признаки известного действия и возбуждали негодование. Коль скоро мысль объясняет и очищает действие от запутывающих его примесей, сердце не может не растворяться и не оправдывать. Преступники исчезают, их место занимают «несчастные», и по поводу этих «несчастливых» горит, томится и изнывает добрая человеческая душа...

Много встречаем мы на свете людей, но, к сожалению, большая часть их принадлежит именно к числу таких, которые ходят с выпученными глазами и ни о чем слышать не хотят, кроме своих маленьких личных интересов.

Эти люди самые несчастные, несчастнее даже тех, кого мы называем собственно преступниками. У настоящего «преступника», может быть, вся душа переболит прежде, нежели он решится на преступление, а этот, что ходит с выпученными глазами по улице, на каждом шагу делает свои маленькие гадости и даже не чувствует, что эти гадости – те же преступления и что из их темной массы источаются все мирские несчастья.

Но встречается немало и добрых людей, и вы, милые дети, всегда скорее всех успеваете отличить их. Когда вы чувствуете, что вам легко и приятно около какого-нибудь человека; когда ваши лица расцветают

улыбкою при виде его, когда вас инстинктивно манит приласкаться к нему... знайте, что это такой же чистый и милый человек, как и вы сами; знайте, что около вас бьется именно то самое доброе человеческое сердце, о котором я хочу поведи здесь речь.

Нигде так много не встречается добрых душ, как между женщинами. Мужчина почти всегда по горло занят мелкими своими житейскими делами; он больше на народе, он чаще вынуждается вести борьбу, видеть и терпеть несправедливости. Поэтому у него более поводов воспитывать в себе чувство досады и нет времени соображать свои выводы с выгодами других, нет времени и прощать. Сверх того, известная доля самостоятельности сообщила его действиям несколько хищнический характер, вследствие чего любимыми его пословицами стали: «На то война!» да «Затем в море щука, чтоб карась не дремал!» Напротив того, женщина с самых малых лет почти всегда одна и всегда в загоне; действительная роль, на которую – по крайней мере, в настоящее время – осуждена женщина, – это роль безмолвия и исполнения чужих желаний и прихотей. Вот она и молчит, но в то же время думает, много думает. И чем больше она думает, чем томительнее тянется ее собственная одинокая жизнь, тем более растворяется любящее, доброе сердце. Она видит, как суетится и колотится весь свой

век мужчина, как он лукавит и изворачивается из-за куска насущного хлеба, и мысль о «несчастье», которое как бы сетью какую опутало весь людской род, сама собой возникает в ее голове. Муж ли вернется домой злой и хмельной, она думает: «Господи! какой он несчастный!» Сын ли окажется уличенным в незаконных делах, она думает: «Господи! как он должен страдать и как нужно, как нужно ему любящее сердце, которое могло бы вселить мир в его тоскующую душу!»

И когда женщина захочет утешить скорбящего человека, то можно сказать наверное, что в целом мире не найдется слаще и лучше того утешения. Нет тая, у которого не открылся бы источник слез при виде умиротворяющей женской ласки; нет душегуба, которого сердце не дрогнуло бы перед любящим женским словом. И не потому только, чтобы эта ласка или слово усыпляли человека или заставляли его забыть что-нибудь, а потому, что эта ласка, это слово восстанавливают искаженный человеческий образ, что они вдруг очищают его душу от наносной житейской грязи, что они хотя и не уничтожают прошлого, но делают невозможным возврат к нему...

Когда я был в той трущобе, о которой вам недавно рассказывал, то случай свел меня именно с одной беспредельно доброю женщиной, воспоминание о ко-

торой будет благословенно для меня до конца моей жизни. Об ней-то я и поведу с вами речь.

Это была вдова мещанина, Анна Марковна Главщикова. Муж ее когда-то был достаточным купцом, но потом прожился, разорился и умер в мещанах, оставивши Анне Марковне самое ограниченное состояние. Как теперь помню, жила она в своем маленьком одноэтажном, об трех окнах на улицу, домике, около которого стоял довольно вместительный анбар с большими створчатыми дверьми. В этом анбаре, наполненном всяким мелочным товаром, обыкновенно торговал Марк Гаврилыч, отец Анны Марковны, старичок древний, словно мохом покрытый, который уже почти ничего не слышал и не видел, но выпустить из рук бразды правления не соглашался. В помощь ему был определен Сережа, довольно бойкий мальчуган, приходившийся Анне Марковне чем-то вроде племянника, и совокупными усилиями они как-то успевали вести дела не в ущерб, хотя отец протопоп соседней церкви всякий раз, как проходил мимо лавки Главщиковых, никак не мог утерпеть, чтоб не сказать:

– Старость да младость в союз вступили; обе вопиют: «Помози!»

Когда я зазнал Анну Марковну, она была уже женщина лет за пятьдесят. Лицо у нее, по-видимому, и в прежние, молодые годы нельзя было назвать кра-

сивым, но добродушие и какое-то счастливое спокойствие так и светились во всех его чертах. Часто чувствительность заставляла ее плакать, но она плакала без всяких усилий; брызнут сами собой слезы из глаз и потекут по старчески румяным щекам; и видно было, что ей легко плачется и сладко плачется. Часто она тоже вздыхала, но это были не настоящие вздохи, а какое-то тихое всхлипывание, совершенно подобное детскому. Вообще некрасивость ее была такого рода, что к ней очень скоро можно было привыкнуть, и чем больше с нею свыкаешься, тем лучше и свободнее при ней себя чувствуешь, так что под конец, пожалуй, это лишенное всякого изящества лицо покажется краше любой красоты.

На дворе у ней всегда бегало великое множество детей. Тут были и дети бедных родственников Анны Марковны, и сироты бездомные, которых она как-то умела всюду отыскивать. Поэтому возня на дворе и у ворот, около лавки, была всегда страшная. Кто на доске скачет, кто в песке копается, кто пироги из глины месит, кто с индейским петухом разговаривает, кто, наконец, подкрадывается к дедушке Марку Гаврилычу и норовит снять у него с носа толстые серебряные очки.

– Кшш... пострелята! – крикнет на них дедушка; но крикнет так незлобиво, что «пострелята» с звонким

хохотом брызнут во все стороны и тут же начинают совещаться, какой бы сочинить новый поход против дедушки.

Эта любовь Анны Марковны к детям послужила соединительною связью между ею и мною. Я не могу пройти мимо маленького ребенка без того, чтоб не погладить его по головке или не дать ему пряничка. Анна Марковна сразу заприметила это мое свойство, и стал я ей люб. А еще любее я сделался ей, когда она узнала, что я принадлежу к числу «несчастненьких», что я тоже в своем роде «узник», хотя и хожу каждый день на службу в губернское правление, чтобы, как выражался Марк Гаврилыч, «всякую вреду строить». А в глазах Анны Марковны после младенца не было в свете краше человека, как «несчастненький» или «узник».

И вот однажды, когда я, настроив в течение утра сильное количество «вреды», возвращался из губернского правления домой и, остановившись около лавки, беседовал с обступившими меня «пострелятами», из калитки ворот вышла сама Анна Марковна.

– Да вы, барин миленький, хоть бы чайку чашечку выкушать зашли! – сказала она мне, – а то уж как-то и стыдно мне, старухе! Все-то вы эту вольницу-то мою ласкаете да дарите, а мне вас и побаловать-то ничем еще не удалось! пожалуйста, миленький, познакомим-

тесь!

Я пошел за нею, и с той минуты, как переступил порог этого дома, на душе у меня как-то повеселело. Как будто кто-то издалека улыбнулся мне и прилелеял меня, как будто давно затерянный и вдруг снова обретенный друг крепко-крепко прижал меня к груди своей.

Часто, почти каждый день я беседовал с нею, и все, что я уже знал, о чем говорила мне книга, все это как будто бы я во второй раз понял, понял и сердцем, и мыслью, и всем существом. Книга жизни, в которой каждое слово как будто дышало и билось, раскрылась передо мной со всеми своими болями; со всей жаждой счастья, которое, словно мираж, манит и трепещет на горизонте, понапрасну только изнуряя и иссушая грудь бедного странника моря житейского. Эта простая, но беспредельно добрая женщина много потрудилась на своем веку и много думала, но додумалась только до любви и прощения. Она не получила никакого образования и потому не всегда умела уяснить себе причины того или другого явления; но так как, в ее лета и при ее обстановке, помочь этому недостатку было уже невозможно, то она совершенно естественно возмещала его тем усиленным горением сердца, которое доступно даже наиболее простому человеку и которое в то же время так много спо-

собствует увеличению в мире суммы добра.

Особенными фаворитами ее были: во-первых, дети, во-вторых, мужики, и в-третьих, преступники, или, как она всегда выражалась, узники.

– Не знаю, как ты, дружок, – говаривала она мне (она очень скоро подружилась со мной и начала говорить мне «ты»), – а я так до страсти этих ребятшек люблю! Первое, умны и заняты они очень, второе – зла в них вот ни на эстолько нет! И не думай ты, друг мой, чтобы этакой малец чего бы нибудь не понял! Нет, он, плутяга, от земли на аршин вырос, а уж все смекнул! Ведь он тот же большой человек, только в малую формочку вылит; все равно как вот солнышко в капельке играет, так и в него настоящий-то человек смотрится!

Говоря это, она гладила маленького внука Сережу, который фыркал от удовольствия, слушая бабушкины речи, и тем несомненно подтверждал справедливость их.

– А расскажите-ка, Анна Марковна, что-нибудь про крестьянскую нужду? – спрашивал я ее иногда, зная, что это один из любимых ее предметов и что ничем нельзя сделать ей большего удовольствия, как доставив случай побеседовать об нем.

– Ах, какая это нужда, мой друг! какая это тяжкая нужда! Кажется, и сердце-то все сгореть должно, как

бы настоящим манером подумать об этой нужде!

– И полноте, Анна Марковна! живут они себе припеваючи, только тесненько немножко! – скажешь ей на это, чтоб подстрекнуть и пошутить над ее горячностью.

– Нет, не говори, даже не шути ты этим! Ты взойди только в избу-то крестьянскую, ты попробуй хлеба-то, который они едят, так она, нужда-то ихняя, сама так в глаза тебе и кинется. И опять подумай ты, что для этого ихнего хлеба мякинного да для пустых щей должен он целый век, до самой смерти своей, все работать, все работать! Как только бог души их держит, как только сила-то в них еще остается! Ведь по-настоящему-то, от этих пустых щей бока у человека промыть должно, а он все-то скрипит, все-то работает! И не для себя все работает... да, не для себя!

– А вот в газетах, Анна Марковна, пишут, что мужик оттого беден, что пьет не в меру! – опять пошутишь над нею.

– Врут все они, врут твои газеты! – вскинется она на меня, – вот кабы и ты поменьше этих враньев-то писал, и ты бы в этой трущобе-то не жил, а, пожалуй бы, в звездах да в лентах мостовые гранил! Ты подумай, какое они слово, эти газетчики-то твои, говорят! Пьет мужик! А сколь часто он пьет, спросила бы я тебя? В неделю, а не то и в месяц раз, на базаре бывши! А

слышал ли ты, как мужик на базар-то едет, с чем едет и что он там делает?

– Нет, Анна Марковна, признаться, мало я эти дела знаю.

– Так вот я тебе расскажу. Едет мужик на базар ночью, чтобы поспеть ему в город раным-рано, чуть брезжить начнет. Не спит он, все около воза идет и так-то ноги свои отколотит, что они у него словно из лаптей вырастать станут. И идет он таким манером верст десятки, и в мокреть, и в пыль, и в снег, и во вьюгу, и в дождик. И лицо-то у него от мороза белеет, и ноги мозжат, и сон-то его валит, а он все идет, все идет, словно у него и невесть впереди какая радость стоит. А везет он, мой друг, на возу-то на своем... знаешь ли, что он везет?

Душу свою, друг мой, он везет! душу свою, которая цельную неделю день-деньской надрывалася, недопивала, недоедала, а все думала: «Господи! как бы мне на соль да на щи пустые осталось, чтобы мне христианскую смертью помереть, а не околеть с голоду, как собаке!» Ну, вот, приехал он, продал свою душу-то на базаре... как ты думаешь, куда он деньги-то свои наперед всего понес? В подати, мой друг, в подати!

– Однако, Анна Марковна, согласитесь, что ведь и казна должна же чем-нибудь жить!

– Знаю, дружок, знаю, что подати платить, – самое

есть первое дело, да не про то я с тобой и говорю! Я говорю, как мужику-то больно, как у него сердце-то его бедное щемит! И назябнется-то он, и недоспит-то, и обманут-то его, и обернут-то! Что делать-то ему! ты скажи, что ему делать-то?

– И все-таки не резон в кабак ходить!

– Ну, брат, я вижу, что ты меня только нарочно в сердце вводить хочешь! Ин, прощай лучше, бог с тобой!

– Ну, полноте, Анна Марковна! вы видите, что я шутики шучу. Не пошуту я с вами, вы бы не расходились так, да и я бы не знал, как мужики на базар ездят.

– То-то, мой друг, надо эту жизнь знать, чтобы об ней говорить, а тем паче народ смущать своими речами! Я сама хоть и купчихой росла, а тоже недалеко от этого звания выросла. Вот и ты как станешь вникать, тоже будешь знать, благо наука эта не очень мудреная. И помяни ты мое слово, запомни ты эту приметку: как взглянешь ты на нашего мужика, да затоскует в тебе сердце твое, тогда говори смело: знаю, мол, я нашего русского мужика, потому что без жалости смотреть на него не могу! И будет он тебе так мил, так мил, что и пониток-то его рваный краше ризы нешвенной покажется!

Много рассказывала в этом роде Анна Марковна, и я никогда не уставал наслушаться рассказов ее. Гово-

рила она, как родится русский мужик, как он, словно крапива у забора, растет, покуда в меру разума войдет; говорила, как пашет, боронит, косит, молотит, веет русский мужик, и все куда-то везет, все везет! говорила, как умирает русский мужик кротко, покорно, истово... Рассказы эти не разжигали меня, не поднимали во мне горечи, но, напротив того, как будто смягчали мое сердце. И мне кажется, что действительно бывали в жизни моей такие моменты, когда при взгляде на мужика сердце мое начинало тосковать, и что этими моментами я обязан никому иному, как именно милой моей Анне Марковне.

– Ну, а «несчастненьких» – то ваших за что вы любите? ведь не за добродетели же они, а за преступления свои узниками-то сделались!

– Да ты, дружок, подумай крошечку, так и увидишь, может быть, что настоящие-то преступники не в остроге сидят, а тут вот, промеж нас с тобой, в миру в вольном веселятся да благодужествуют!

Ответ этот несколько смутил меня. Конечно, думалось мне, есть такие ответы... есть! Но как могла дойти до них простодушная мещанка города Крутогорска? Какую такую свою собственную теорию неменяемости соорудила она в голове своей? Ведь при помощи одних внешних признаков, которые только и доступны той степени развития, на которой она находи-

лась, нельзя же прийти к таким нешуточным обобщениям!

На поверку, однако ж, оказалось, что вопросы жизненные, даже наиболее мудреные, суть именно такие вопросы, относительно которых процесс мысли самый простой и процесс самый сложный очень часто сходятся между собой и приводят к одинаковым результатам. Единственное при этом условие, которого нельзя обойти, заключается в том, чтобы мысль шла прямо, чтобы она не увлекалась изворотами и честно и посильно разрешала вопросы, которые представляются ее вниманию.

– Как ты думаешь, – продолжает между тем Анна Марковна, – от сытости, что ли, вор ворует, от хорошо житья грабитель на дорогу выходит? Или, по-твоему, человек так и рождается злодеем? Так вот они, – дети-то! гляди на них! Вот их тут охапка целая, как хочешь, так их и поверни!

Взгляну я на детей, и в самом деле убеждаюсь, что все они такие бравые, добрые и умные, что никак даже вообразить себе нельзя, чтоб из них вышли когда-нибудь злодеи и грабители. Правда, что маленький Петя постоянно ведет упорную борьбу с старым козлом, который греется у конюшни на солнце, и даже нередко обижает старика, но ведь у него на это свои резоны есть.

– Тетенька! Васька возить меня не хо-о-чит! – оправдывается он всякий раз, как Анна Марковна принимает сторону разобиженного козла.

– Да ведь он, голубчик, старенькой! – увещевает его тетенька.

– Дедушка тоже старенькой, а вот возит!

Во всяком случае, этот признак вовсе не столь решительный, чтобы из него можно было выводить заключения. Да и житье Васьки-козла, в сущности, совсем не худое: сколько раз в сутки тот же самый забияка Петя, натешившись над ним, и хлебца ему даст, и молочка принесет...

– Узы, мой друг, везде есть, – продолжает свою речь Анна Марковна, – и как тяжелы... ах, как тяжелы эти узы! Только понять их нелегко, потому что ищем мы их не там, где искать следует, и на то только горе бежим, которое само нам в глаза тычется! Как думаешь ты, под забором-то расти – не узы это? большую-то дорогу своими ногами обколачивать – и это тоже не узы? А кабак-то! а воровства, да грабильства, да убийства – ведь это, коли хочешь, даже не просто узы, а из всех уз узы! Вот они где, наши мужицкие-то узы, зреют-назревают, а ты их в остроге да между заключенными ищешь! Там ведь, дружок, уж развязка одна, а ты подумай только, какими путями-дорогами до этой развязки-то дойдено!

И от слова Анна Марковна немедленно переходила к примерам, которых знала немало.

– А ты вот попробуй-ко с лаской к нему подойти, к тому, которого ты душегубом-то называешь, так и увидишь, как его, сердечного, от душевной-то муки перевертывать начнет!

– А вы, верно, пробовали, Анна Марковна?

– Пробовала, сударь, не хвастаясь скажу: не однажды пробовала. Был, я тебе расскажу, у нас в здешнем остроге большой грешник перед богом, Василий Топор назывался. Сколько этот Васютка душ христианских безвременно сгубил – так это и сказать невозможно. Читали это, читали, как на эшафот-то его вывели – даже и на народ-то словно бы страх напал! А он стоит этак, руки назад к столбу связавши, и даже в лице нисколько не изменился! И начали его полысать... Я сама тут, мой друг, была, и хоть мне не впервой эти страсти человеческие видеть, однако и я удивилась, какую он в своем сердце, даже под плетьюми, отвагу сохранил! Только ворочаюсь я с торговой-то площади домой, словно пьяная, и думаю: «Господи! да неужто ж есть на свете такой человек, который не видел бы лица твоего!» И решила я тогда же пойти к нему в больницу и утешить его...

Анна Марковна останавливалась и несколько мгновений не могла продолжать от волнения.

– Вот и пришла я к нему в больницу... Много ли, мало ли говорили мы между собой, – не мудреные, мой друг, наши речи! – только стал он понемногу смягчаться. «Васенька! – говорю я, – сердце у тебя, друг мой, горячее, укроти ты его, утоли ты вредную строптивость свою!» Посмотрел он на меня, и словно как бы в первый раз ему в голову что пришло. «Не стерпел ты уз своих тесных, говорю, в лесах да по дорогам горе свое большое разнести захотел!» – «Не стерпел», – прошептал он. «А ты бы, говорю, подумал, какие узы другие-то христиане терпят; может, горше твоих!» – «Горше», – говорит. И вижу я, стал он напряживаться, и пот по нему проступать начал. И вдруг он хлынул. Только какая это горесть, друг мой, была, я даже выразить тебе это не могу! Уж не то что плачет или рыдает, а просто криком кричит!.. И мучится... и мучится... Так мне после этого пятна-то, которые у него на щеках да на лбу напятнаны были, краше честного девичьего румянца показались!

Признаюсь откровенно, когда я выслушал этот рассказ, из глаз моих полились невольные слезы. Мне почувялось, что я вдруг сделался чище и лучше, нежели был прежде, и что, за всем тем, я и пяди не стою этой простой и милой женщины, которой голос, точно горнило всеочищающее, умеет проникать в самые темные тайники души и примирять с совестью самые

упорные и закаленные натуры.

– Так вот как насмотришься этаких примеров, – продолжала она, – так и посовестишься сказать про человека: вот вор! а этот вот убийца! Ведь и убийце Христос сердце растворил, ведь и в ад он, батюшка, сходил... а мы!

* * *

Давно нет уж на свете Анны Марковны, но я до сих пор благословляю ее память. Я убежден, что ей я обязан большею частью тех добрых чувств, которые во мне есть. Я мог бы привести здесь много разговоров, которыми мы коротали с нею долгие зимние вечера; я мог бы рассказать, как она учила детей идти прямою и честною дорогой и даже под страхом смерти не сворачивать с нее, но предпочитаю возвратиться к этому предмету в особом рассказе.

Скончалась она тою самою «крестьянскою» смертию, о которой столько раз говорила и которой сильно желала. В один из теплых, весенних дней, возвращаясь из церкви, она промочила ноги и простудилась. Вечером я ее еще видел, и хотя тут был лекарь, который запрещал ей говорить, но такая уж она была словоохотливая старушка, что удержаться никак не могла. На другой день утром я узнал, что Анна Марковна

уснула...

Марк Гаврилыч жив и до сих пор, но от старости уж ничего не говорит, а только все плачет. Сережа, старший внук, достиг двадцати лет и управляет дедушкиным капиталом, которого, за добродетель Анны Марковны, набралось очень довольно. Часто проходя мимо знакомого дома об трех окошках, я видел, как в одном из них улыбалось личико хорошенькой мещаночки, добрым выражением своим напоминавшее лицо покойной тетеньки. Я знал, что это личико принадлежит жене Сережи и что в доме все счастливы, как будто живет еще в нем и приголубливает всех и каждого вечно любимая тень Анны Марковны.

Испорченные дети

Предисловие, объясняющее происхождение одного литературного общества

Вдова действительного статского советника и кавалера, Катерина Павловна Младо-Сморчковская, рожденная княжна Пустодомова, имела четверых сыновей-погодков: Гришу, Сережу, Ваню и Пашу. Всех их она, разумеется, предназначала для самой блестящей будущности. Она была бы, например, очень рада, если б хоть один из них вышел чем-нибудь вроде Суворова, и надо сказать правду, что маленький Ваня до некоторой степени даже оправдывал материнские мечты. Он не любил никакой игры, кроме игры в солдатики, отвращался от всяких игрушек, кроме оловянных кавалеристов и пехотинцев, терпеть не мог никакой мелодии, кроме мелодии барабана; наконец, ел и пил всякую дрянь. Однажды, засмотревшись на маленького Ваню, как он маршировал и какие трудные переходы заставлял делать своих оловянных одноклассников, Катерина Павловна до того забылась, что воскликнула: «Иди! спасай царей!» Конечно, она сама

сейчас же опомнилась и порядком-таки струхнула, но, к счастью, в то время никого, кроме Вани, в комнате не было, и происшествие это осталось без последствий. Но, с другой стороны, она понимала и то, что Суворов был всего на все один и что, следовательно, четверым одну вакансию занять никак нельзя. Поэтому она была не прочь удовольствоваться для других сыновей и просто солидной административной карьерой, которая хотя и не поражала бы таким блеском, как карьера военная, но зато обещала бы более прочности и обеспеченности в будущем. Сказать ли правду? к административной карьере у нее даже больше лежало сердце, нежели к военной...

Чтобы понять причину этого последнего предпочтения, необходимо сказать, что покойный муж Екатерины Павловны был, в начале нынешнего столетия, несколько лет сряду, губернатором в одной из самых хлебных губерний России. На этом месте он достиг всего, что только человеческому желанию доступно. В глазах начальства он славился строгостью и скоростью; глаза откупщиков ослеплял неупустительностью во взимании даней; в глазах предводителей дворянства имел то ни с чем не сравнимое качество, что держал лучшего повара в целой губернии и откармливал дома совершенно невиданных поросят. Таковы были гражданские доблести покойного. Но были, од-

нако ж, и военные. Катерина Павловна очень хорошо помнила, как ее Иван Григорьич делал походы против бунтовщиков и недоимщиков, как он не подвергался при этом ни малейшей опасности и как, за всем тем, из каждого похода возвращался обремененный добычей.

«Разграбив имущества, предав селения в жертву пламени, уничтожив пажити и надругавшись над женами и девами, они (печенегии) возвращались восвояси, обремененные добычей», – вспоминалось при этом Катерине Павловне из ее далекого институтского прошлого.

– Конечно, все это прекрасно, – мысленно прибавляла она в заключение, – и слава и лавры! однако с печенегами все-таки покончили, – и где теперь их добыча! – а мой Иван Григорьич и умер-то своею смертью, да и из добычи кой-что после себя оставил!

Вообще Катерина Павловна довольно своеобразно смотрела на русскую историю. Она делила ее на два периода: первый, до убиения боярина Кучки, и второй – после убиения боярина Кучки. До убиения ей представлялся какой-то хаос, в котором мелькали хозары и печенеги, обремененные добычей, но ничего своим детям не оставившие; после убиения наступал московский период, который уже потому был ей известен, что она была уроженка Москвы и, следовательно-

но, отлично знала и Ивана Великого, и Солянку, и Арбат. Особенных подробностей, конечно, и об этом периоде она не могла сообщить, но ей представлялось за верное, что в это время жили всё Иваны Васильичи да Васильи Иванычи, которые отличались от печенегов тем, что были люди хозяйственные и с добычей обращались умненько.

– Нет, лучше поскромнее, да посолиднее! – заключала она мысленно, – лучше быть каким-нибудь сереньким Васильем Иванычем, чем знаменитостью вроде князя Дедери (так ошибочно называла она славного в летописях печенежского князя Редедю), у которого, пожалуй, и штанов не было!

И решила, что дети ее будут по малой мере градоначальниками, то есть пойдут до известной степени по стопам доблестного родителя, за исключением, пожалуй, Вани, который мог, если хотел, сделаться и Суворовым.

В исполнении этих намерений Катерине Павловне немало помогал Степан Петрович Сапиентов, рекомендованный братцем, князем Кирилою Пустодомовым, как педагог, специально посвятивший себя приготовлению государственных младенцев.

Степан Петрович был явлением довольно обыкновенным в то небогатое людьми время. Происходя из «прискорбных» и кончивши курс в духовной акаде-

мии, он, при помощи ласковости и пастырского благословения, кое к кому втерся, кое около кого потерся, так что в непродолжительном времени познал даже употребление носового платка. Он уже мечтал о том, как со временем заменит собою Сперанского, но выходящие из ряду педагогические способности помешали ему сделаться государственным человеком.

Издавна замечено, что слишком большое усердие, слишком исключительная специальность скорее мешают, нежели помогают. Для того чтобы свободно подниматься по лестнице жизни, необходимо отчасти порхать, отчасти скользить по поверхности. Порхающий человек то на один цветок сядет, то на другой – не успеешь оглянуться, а он в результате административный сот. Напротив того, человек усидчивый, обладающий чугуною поясницею, так и кажется, что заведет в трущобу. Я знал очень многих почтеннейших регистраторов, из которых каждый был бы, конечно, не прочь устроить свой собственный сот, но ни один не был к тому допущен именно потому, что слишком уж ревностно записывал исходящие и входящие бумаги. Как только начальство раз убедилось, что человек на известном месте необходим, что без него как без рук, так карьера этого человека кончена. Истинные честолюбцы знают это и потому на каждом встречающемся цветке останавливаются именно на столько време-

ни, сколько нужно, чтоб извлечь из него необходимое в данную минуту количество меда. И таким образом, порхая, играя и летая, допархиваются и доигрываются иногда до должностей весьма приглядных.

Подобного рода неприятность случилась и с Сапиентовым. Репутация его как педагога, специально посвятившего себя приготовлению государственных младенцев, установилась так прочно, что никому даже в голову не приходила мысль о возможности видеть его в другом положении. Конечно, его, для формы, записали в какую-то комиссию, занимавшуюся разработкой «некоторых приличных нашим обстоятельствам конституций», но ни до одной конституции не допустили и звания государственного человека не удостоили. Зато кормили домашними обедами, награждали чинами до статского советника включительно и обещали со временем сосватать богатую купчиху. Так он и оставался, в качестве жениха предполагаемой купчихи, видя, как Сперанский мелькает перед его глазами, и горько плачась на неблагоприятность к нему фортуны. В 1812 году фортуна, казалось, улыбнулась ему. Сперанский был обвинен в пособничестве Наполеону – он нет; Сперанский был сослан в Нижний – он нет. Он каждый день ждал курьера... увы! на горизонте действительно взошла новая звезда, но не он, Сапиентов, был этой звездой, а какой-то Кре-

стовоздвиженский или Ризположенский, одним словом, некто такой, кому он еще в семинарии неоднократно задавал вселенскую смазь.

Он покорился.

В таком положении, то есть вполне примирившимся с скромною ролью воспитателя государственных младенцев, мы застаем его в ту минуту, когда братец, князь Федор Пустодомов, познакомил с ним Катерину Павловну.

– А позвольте, сударыня, узнать, какие вы имеете виды на ваших малюток? – спросил Сапиентов, по-видимому придерживавшийся, в деле воспитания, той теории, что малютка – воск, из которого, по усмотрению, можно наделать и крепких в брани генералов, и прилежных ко взысканию недоимок администраторов.

– Откровенно вам скажу, что мне хотелось бы пустить их по штатской, – отвечала Катерина Павловна, – ну, знаете, однако ж, чтоб и рыцарские чувства... не совсем же были забыты...

– В нашем отечестве, сударыня, рыцарские чувства наипаче в чиновническом сословии пребывают. Чувства сии суть: исполнительность и неуклонное хранение вверенной тайности!

– Отец их был губернатором – ну, мне, конечно, хотелось бы, чтоб и они... ну, хоть градоначальниками!

Все же, знаете, кусок хлеба... Разумеется, не сразу – сразу, я знаю, нельзя, а исподволь... Я вам должна сказать, что Гриша несколько знаком даже с формами и обрядами делопроизводства!

– Вот как-с!

– Да; мой покойник обращал на этот предмет большое внимание и говаривал, что в нем заключается истинное счастье жизни. Сережа – тот больше по части любознательности. Что-нибудь выведать, высмотреть – вот его дело. И сейчас прибежит ко мне и все перескажет: такой откровенный ребенок!

– Сударыня! если б у нас в каждой губернии было хотя по одному такому откровенному ребенку, то наше благополучие было бы несомненно! Это верно-с.

– Ну, Паша – тот больше к деньгам пристрастие имеет; считает, знаете, копит, занимает, делает разные операции... иногда даже утаивает...

– Может, стало быть, по финансовой части быть деятелем. Но вы пропустили, сударыня, третьего вашего малютку...

– Ах, об Ване, право, не знаю, что и сказать вам. Он больше все с барабаном! Да вот еще на днях выдумал в трубу трубить!

– Что же-с! И по этой части слуги нужны. В садах государственной службы не один мирт произрастает, но и лавр!

– Так-то так, мой почтеннейший Степан Петрович, да все как-то страшно за него. Мирты-то, знаете, прочнее, солиднее. Как в кармане-то густо, так и на свет смотреть как будто веселее. А с этими лаврами и свое как раз спустишь!

– Бывали, однако, сударыня, и иные указания в истории. Сципион Азиатский, например, не только своего не расточил, но даже весьма приумножил!

– Ну, да, конечно, кабы командиром... вот тоже по провиантской части хорошие места бывают... а все же, знаете, по штатской как-то солиднее!

– Что же-с! постараемся в один веночек вплести и лавр и мирт. Как говорит поэт:

И лавр, обнявшись с повиликой... –
Стало быть, это дело возможное-с.
На этом конференция и кончилась.

Не имея в предмете излагать здесь полную систему воспитания государственных младенцев, изобретенную Сапиентовым, я остановлюсь только на той из ее подробностей, которая имеет непосредственное отношение к помещаемым ниже рассказам. Поставив себе задачей возбудить в своих питомцах охоту к мышлению, Степан Петрович непрерывно упражнял их в сочинениях на разные темы. Само собой разумеется, что темы брались преимущественно из сфе-

ры административной, к которой, собственно, и приготавливались молодые люди. «Надобно их постепенно соблазнять», – говорил Сапиентов и шел к своей цели неукоснительно, то есть переходя от легчайших понятий и предметов к труднейшим. Так, на первый раз он задал сочинение на тему: «что такое канцелярская тайна?» И когда этот вопрос был разрешен, то приступлено было к разрешению вопроса последующего: «почему канцелярская тайна необходима?» Потом он задал сочинение на тему о «благосклонности вообще и административной в особенности»; потом: «о спасительной строгости и благомилостивом прощении». Когда же, по его мнению, был удовлетворительно пройден весь цикл административных воздействий, тогда он решил в своем уме, что настало время увенчать здание. «Дети, – сказал он себе, – приобрели весь необходимый материал, который был нужен, чтоб составить отчетливую идею о том, что такое администратор вообще. Попробуем теперь, в какой степени они соблазнены!»

Остановившись на этой мысли, он задал двоим старшим питомцам сочинение на тему: «Добрый служака», а для двоих младших выбрал тему полегче: «Добрый патриот». Причину, по которой он почитал эту последнюю тему более легкой, он объяснил Катерине Павловне следующим образом.

– Сударыня! – говорил он, – чтобы написать хорошее сочинение на тему «Добрый служака», надо до известной степени обладать административной практикой, которой ваши младшие птенчики еще не имеют. Между тем упражнение на тему «Добрый патриот» ничего не требует, кроме возвышенных чувств. Поэтому и позволяю себе думать, что в этом случае малолетство автора не только не должно почитаться препятствием, но даже может служить немаловажным подспорьем!

Ответом на заданную тему были следующие ниже сочинения. Они печатаются здесь как с подстрочными замечаниями, сделанными Сапиентовым на полях, так и с общими замечаниями, сделанными им же в конце каждого упражнения.

I. Добрый служака

Из моих воспоминаний

(Сочинение 13-летнего Гриши Младо-Сморчковского)

Не в весьма давнем времени, однако и не меньше тринадцати лет назад, от благородных родителей произошел на свет молодой человек, получивший впоследствии столь громкую известность¹ под именем Гриши Младо-Сморчковского-первого.

Отец Гриши, действительный статский советник и кавалер Иван Григорьевич Младо-Сморчковский, был в то время – ским губернатором и отличался строгостью и скоростью; мать Гриши, рожденная княжна Пустодомова, славилась красотой, любезными нравами и еще тем, что в совершенстве знала, какой уезд какими произведениями изобилует. Сочетание сих качеств изумительным образом отразилось в Грише. Он был строг, быстр, но в то же время не чуждался и хозяйственных соображений.²

¹ Не слишком ли самонадеянно сказано о громкой-то известности? И почему «под именем», когда Младо-Сморчковский не псевдоним, а действительная фамилия? Сапиентов.

² Не знаю, в какой степени можно сказать сие о младенце, едва родившемся. Сап.

К сожалению, Гриша совершенно не помнит обстоятельств своего рождения. Должно полагать, что и он не избежал общего горького закона природы, то есть родился наг, беспомощен и некоторое время не мог даже ходить. Помнит, однако, что первый предмет, который обратил его внимание и к которому инстинктивно потянулись его ручки, был «Журнал министерства внутренних дел», издававшийся тогда под редакцией г. Варадинова.³

Заметив в Грише такую особливую склонность к правительственным распоряжениям, родители его не замедлили всячески оную в нем поддерживать и развивать. В шестилетнем возрасте он случайно достал из губернского правления довольно пространный сенатский указ и втайне изучал его; а семи лет, ко дню ангела своего родителя, он уже сочинил рапорт «о том, зачем по присланному из сената указу исполнения учинить невозможно». С тех пор чтение начальственных предписаний сделалось любимейшею его забавой.

Так жил Младо-Сморчковский, возбуждая зависть в старых советниках губернского правления и будучи предметом удивления для поседелого в боях вице-губернатора. Впрочем, отдавшись душою гражданским доблестям, он не пренебрегал и воинскими упраж-

³ Автор предваряет события. Сап.

нениями, которые впоследствии тоже принесли ему много пользы. Так, например, к восьми годам он уже знал все построения, какие необходимы для действия против обывателя.⁴

Вообще день этого молодого человека был распределен так: в 6 часов утра пробуждение и умывание холодной водою a la Suworoff; непосредственно вслед за тем одевание (солдатские брюки и солдатская же грубого сукна шинель) и пение «ура!» – до тех пор, покуда не пробьет семь часов. В семь часов кружка сбитня и кусок черного хлеба. После того, до двенадцати часов, телесные упражнения, ружейные приемы, учение одиночное, однорядное, двурядное и проч. Начальные понятия об атаке. В двенадцать часов молодой человек, возвратившись в свою комнату, подобно всем господам военным, говорил: «ух, устал, как собака!» – и позволял себе полчаса вздремнуть, сидя на стуле и облокотясь головой на правую руку. В час обед, состоявший из солдатских щей с солониной (иногда даже не совсем свежую) и крутой каши. После обеда, вместо рекреации, – пение «ура!»; затем: ружейные приемы, езда марш маршем и «сабли наголо!», при чем всегда присутствовало несколько сверстников, которые представляли внутренних вра-

⁴ Дай бог, но сомнительно. Сап.

гов, то есть обывателей.⁵ С двух до шести чтение указов и писание рапортов, большею частью «с действительным исполнением», ибо даже в юных летах Младо-Сморчковский-второй никаких препятствий в деле исполнительности выносить не мог. В шесть часов вновь кружка сбитня и затем, до девяти часов, практические упражнения на тему: «кто хочет начальствовать, тот прежде сам должен научиться повиноваться». В этих видах Младо-Сморчковский-второй предлагал кому-нибудь из сверстников, ниже его рангом, что-либо ему приказать и исполнял то приказание слепо; потом, в свою очередь, сам приказывал – и горе тому, кто позволил бы себе хотя на одну черту уклониться от исполнения приказанного. В девять часов утомление и сон...

Такой образ жизни не только укрепил Мла-

⁵ Непонятно, почему обыватель везде именуется внутренним врагом? Можно назвать врагом: недоимщика, вольнодумца, распространителя вредных и опасных слухов, разглашателя канцелярской тайны – все сии лица мешают свободному административному бегу – но обыватели вообще... отнюдь! Обыватель скорее друг администрации, нежели враг ее. Он платит подати, возит чиновников на обывательских, то есть без прогонов, топит печки в земских судах и городнических правлениях, за что пользуется титулом сельского заседателя или ратмана. Вот подлинные занятия обывателя – что же в них враждебного? За всем тем нельзя не сознаться, что и в замечании Младо-Сморчковского-второго есть мысль довольно справедливая. Но оную надлежало развить гораздо подробнее. Сап.

до-Сморчковского физически, но и уму его сообщил замечательную прозорливость. Так, будучи девяти лет от роду, он уже начинает замечать некоторые недостатки в управлении своего родителя. Есть скорость, но нет стремительности; есть строгость, но нет непреклонности.⁶ Младо-Сморчковский-первый все еще как бы оглядывался по сторонам, и хотя нередко говаривал, что рассуждать не следует, однако, по слабости своей, рассуждал.⁷ Напротив того, Младо-Сморчковский-второй сразу решил в сердце своем: не рассуждать!⁸ и сообразно с сим начертал план будущей атаки. Когда он взирал, как копается чиновник особых поручений Степнухин, как разводит на бобах правитель канцелярии Подоплеков и как родитель его, вместо того чтобы броситься в атаку и стремительным натиском смять врага, мямлил, отправляя дела в губернское правление для обсуждения... то сердце его обливалось кровью!⁹ И вот, по поводу этого-то мямления произошли первоначальные

⁶ А со стороны Младо-Сморчковского-второго есть строптивость. Сап.

⁷ Не по слабости, а по прирожденной склонности к умствованию. Наклонность сия, хотя и ведет нередко человека к гибели, однако совершенно преодолеть он ее не может. Впрочем, если это и слабость, то она уже потому извинительна, что без помощи ее мы не знали бы, что человек смертен. Сап.

⁸ А сам рассуждает! Сап.

⁹ За такие мысли следует автору изрядно намылить голову. Сап.

пререкания между Младо-Сморчковскими – первым и вторым.

Дело началось с почтительных представлений Младо-Сморчковского-второго. Получена была из Петербурга бумага, содержание которой сразу пленило сердце Гриши. Подлинно рассказать это содержание невозможно, но достоверно, что в ней, с одной стороны, нечто принималось в соображение, с другой стороны, нечто не упускалось из вида, и в то же время нечто рекомендовалось особенному вниманию. В заключение – смерть врагам!¹⁰

Как уже сказано выше, пламенный юноша Младо-Сморчковский-второй был совершенно очарован плавным и текучим слогом этой бумаги. Он с восторгом повторял затверженные из нее фразы, так что было время, когда родительский его дом ничем другим не оглашался, кроме: «с одной стороны», «с другой стороны», «но в то же время» и т. д. Напротив того, Младо-Сморчковский-первый смотрел на это дело иначе и даже прямо называл новый административный слог развратным.¹¹

¹⁰ Любопытно было бы сию бумагу прочитать, коли она не вымысел авторской фантазии. Сап.

¹¹ Не может быть. Не согласно с твердыми правилами Младо-Сморчковского-первого называть бумагу, писанную на бланке, развратною. Сап.

Однажды, в седьмом часу вечера, когда Младо-Сморчковский-второй, по обыкновению, принес на просмотр к отцу только что сочиненное им примерное предписание по делу «о новоявленном в некоторой местности буйственном духе», то Младо-Сморчковский-первый, вместо того чтобы похвалить, как это всегда прежде бывало, сказал:

– Эге, любезный! да, кажется, и ты этой развратной галиматье подражать начинаешь!¹²

Младо-Сморчковский-второй смолчал, но, поняв всю силу нанесенного оскорбления, вспыхнул.

– Ну, скажи на милость, – продолжал Младо-Сморчковский-первый, – разве это не галиматья: «с одной стороны, принимая во внимание обычную в сем звании нераскаянность, с другой стороны, не упуская из вида, что строгость всегда спасительна, я в то же время считаю не лишним рекомендовать вашему благородию, что вы в значительной степени можете улучшить вредное направление умов, если своевременно, незамедлительно и даже *нерассудительно* скомандуете: в атаку!» Ведь таким манером ты, глупенький, весь народ перебеешь!

– Если он этого достоин, то перебею! – твердо отвечал Младо-Сморчковский-второй.

– С кем же ты после останешься? Ах, глупенький

¹² Неправда. Сап.

ты, глупенький мальчик!

Как ни сдерживал себя Младо-Сморчковский-второй, но уста его невольно прошептали: старый колпак!¹³

Тогда началось исправление, предпринятое, как впоследствии дознано, по методе г. Миллера-Красовского.¹⁴ Пощечины следовали одна за другою с такою неожиданностью, что Младо-Сморчковский-второй не мог даже ничего придумать, дабы отвратить от себя сие бедствие... Но в это время в голове его уже созрел план.

План этот заключался в том, чтобы во что бы то ни стало самому сделаться градоначальником... а быть может, и министром!

С этою целью он решил: во-первых, покинуть отчий дом; во-вторых, объявиться начальству и откровенно изъяснить ему свои виды и предположения и, в-третьих, заявить решительное намерение не выпускать бразды из рук, покуда хоть один враг останется налицо.

Путешествие предстояло опасное и продолжительное, но Младо-Сморчковский-второй и не скрывал от себя трудностей своего предприятия. Он несколько

¹³ Нехорошо. Дурно. Сап.

¹⁴ Но какую же иную методу предпринять? Каков проступок, такова и метода. Сап.

дней сряду откладывал от своей скудной порции по куску хлеба, высушивал эти куски в печке и, когда сухарей накопилось достаточно, пустился в путь.

В глухую полночь он навсегда покинул теплую постель, чтобы отныне исключительно отдаться административным приключениям!

Он не будет описывать здесь красоты природы, которых, впрочем, было очень достаточно; он не изобразит величественный восход солнца или не менее величественный закат его; он не представит картину бури, в своем разрушительном беге вырывающей с корнями столетние дубы... Все эти предметы были в то время чужды его душе, исключительно поглощенной административными заботами.

Несколько дней скрывался он на городском выгоне в заброшенном кирпичном сарае, питаясь черствыми и заплесневелыми сухарями, утоляя жажду дождевой водой и тая в груди свой замысел. Наконец, опасность погони миновалась, страхи рассеялись, и Младо-Сморчковский-второй с трудом выполз из своего убежища. Казалось, вожделенная цель была близка...

Но провидению угодно было на сей раз отдалить ее. Прежде нежели привести в исполнение обширный свой план, Младо-Сморчковский-второй должен был

сделаться атаманом шайки разбойников.¹⁵

Мало кому известно, сколь разнообразны и тяжелы обязанности атамана разбойников. Вставать с зарею, питаться сырыми произведениями природы, скрываться в лесах и пещерах и в то же время нести на своих плечах все бремя хозяйственных распоряжений по содержанию и продовольствию шайки, целый день быть свидетелем пролития человеческой крови, обладать несметными сокровищами и очень часто не знать, какое сделать из них употребление, – какая нужна железная сила духа, чтоб вынести подобное существование! Однако Младо-Сморчковский-второй и эту трудную школу выдержал с честью!

Поступив в разбойники и предвидя, что ему придется совершать поступки, которые могут огорчить его родителей,¹⁶ он принял фамилию Туманова. В первый же день он собственными руками зарезал мать многочисленного семейства, а ребенку ее раздробил об камень голову.¹⁷ На другой день он, под видом отстав-

¹⁵ Нельзя сказать, чтобы автор имел недостаток в фантазии; но направление ее не столько полезно, сколько вредно. Посмотрим, что-то покажет нам дальше сей, кажется, слишком предприимчивый Младо-Сморчковский-второй? Сап.

¹⁶ Вот первый признак раскаянья! дай-то бог, чтоб он принес вожденные плоды! Сап.

¹⁷ Увы! таковых (то есть плодов) не оказывается. Сап.

ного солдата, идущего на родину,¹⁸ забрался в убогую хижину гостеприимного селянина и ночью, когда все его семейные улеглись спать, Туманов иным отрубил головы, а иных задушил и, забрав значительную сумму золотом и бумажками, возвратился в разбойничий лагерь. Мужество и проворство,¹⁹ которые он при этом выказал, доставили ему такую популярность между разбойниками, что вскоре все окрестные леса огласились именем неустрашимого атамана Туманова.

Так проводил свои дни, в непрерывных занятиях, славный атаман разбойников Туманов.

Он уже имел намерение, подобно знаменитому своему предместнику, Ермаку Тимофеевичу, отправиться в какую ни на есть отдаленную страну, с тем чтобы покорить ее оружию России, но не успел еще определить, в каком месте находится упомянутая страна, как фортуна совершенно неожиданно изменила ему. Это случилось именно в то время, когда он разбойничал в знаменитых Муромских лесах.

В разбойничьем таборе сделалось достоверно известно, что через лес должно было проезжать с реви-

¹⁸ Автор забывает, что солдат, дабы получить отставку, должен прослужить двадцать пять лет. Какой же он мог иметь «вид отставного солдата», когда ему от роду было не более осьми лет? Сап.

¹⁹ Не мужество и проворство, а зверство и пагубная поспешность проливать кровь. Сап.

зии некоторое значительное лицо, обремененное добычею. Разбойники ждали с нетерпением и, разумеется, все свои надежды возлагали преимущественно на Туманова. И действительно, в девять часов пополудни показалась вдали колымага, которую через силу тащила шестерня исправных лошадей: до такой степени она была нагружена сокровищами. Туманов, с несколькими молодцами, засел в канаву и стал выжидать.

Окружить карету, взять лошадей под уздцы, связать руки кучерам и лакеям – все это было делом одной минуты. Но каково было удивление Туманова, когда, отворив дверцы кареты, он увидел там Младо-Сморчковского-первого и жену его! Разумеется, его тоже сейчас же узнали и хотели высечь... Но он, чтоб отворотить от себя сей позор, рассказал ужасную повесть своих злодеяний.

При этом рассказе волосы стали дыбом на убеленной сединой голове Младо-Сморчковского-первого и слезы, оросив глаза, обильными ручьями потекли по высокому челу его.²⁰

– Так ты тот самый Туманов, который навел столь великий ужас на сердца обывателей? – спросил он, когда рассказ был кончен.

²⁰ Красота слога не должна вредить естественности. Как реки не могут течь вспять, так и слезы не могут катиться снизу вверх. Сап.

– Да; я Туманов.

– В таком случае ты должен забыть, что ты мой сын; я же с своей стороны сделаю распоряжение об отдаче тебя в руки правосудия! Взять этого опасного разбойника!

И вот Туманов, под прикрытием своей новой фамилии, был привезен в соседний город и сдан в острог. Но он знал, что это не больше как испытание и что впереди его все-таки ожидает блестящая будущность.²¹ Поэтому он стал всемерно помышлять о том, чтобы избегнуть наказания за свои проказы,²² совершенно основательно рассуждая, что если он будет бит кнутом, да еще с наложением клейм, то вряд ли тогда приведется ему получить какое-либо место по административной части.

С этою целью он начал ежечасно льстить смотрителю острога,²³ а между своими товарищами-арестантами в скором времени получил такой авторитет, что, казалось, не было жертвы, которую они не согласились бы ему принести.

Между разнообразными дарованиями, которыми

²¹ Любопытно было бы объяснить, на каких похвалы достойных поступках было основано сие предвидение? Сап.

²² Изрядные проказы. Сап

²³ Ужели же, наконец, и лесть и все прочие пороки ада свили себе гнездо в сей невинной душе? Страшно подумать! Сап

обладал Туманов, одно было в особенности поразительно. Это – проворство, с которым он производил всякого рода фокусы, и та особливая способность к гимнастическим упражнениям, которую он выказывал еще в нежном возрасте детства. Например: он свободно ходил на руках, мог продолжительное время стоять на голове, не встречая при этом препятствия к принятию пищи и питья; эскамотировал полуимперялы и взамен их предлагал медную монету; глотал шпаги и, наконец, изобрел неистощимую мужицкую спину (впоследствии фокусники, в подражание ему, устроили так называемую «неистощимую бутылку»). Одним словом, делал все, что доброму и прилежному фокуснику делать надлежит.²⁴

Воспользовавшись этою своею способностью, он замыслил весьма обширный план. Он исподволь начал знакомить зрителя острога с зрелищем своих фокусов и, видя, что оные весьма пришлись ему по нраву, усугубил ловкость и, наконец, испросил разрешение устраивать представления в более обширных размерах. Вскоре слава о зрелищах, даваемых в тюрьме, проникла во все закоулки города, так что всякому стало лестно взглянуть на них. Градоначальники, военачальники, участковые, околоточные – сло-

²⁴ И что не надлежит делать сыну действительного статского советника. Сап

вом сказать, вся палата и воинство собирались к нам, как на праздник, посмотреть на наши затеи.

Этого только и надо было Туманову.

В егорьев день были именины смотрителя острога, и по этому случаю арестантами в секрете, но не без того, однако ж, чтоб он о сем не знал, приготавлился ему сюрприз. Сюрприз был изобретен Тумановым и состоял в том, что сорок три человека должны были представить из себя семярусную движущуюся пирамиду. В основании должно было стоять двенадцать самых сильных арестантов, у них на головах – десять, потом – восемь, шесть и т. д. Пирамиду увенчивал сам Туманов, который на этой ужасной высоте обязывался показать чудеса проворства и ловкости. Представление положено было сделать во дворе острога, обнесенном со всех сторон каменною стеной четырехсаженной высоты; пирамида должна была отправиться от наружной стены замка, пройти через весь двор и подойти к той части ограды, которая выходила в поле.

Наступил давно ожидаемый день, и когда, после обеда, при собрании всех градоначальников и военачальников, живая пирамида двинулась, то нельзя изобразить тот восторг, который охватил сердца сих невинных людей при виде этого зрелища! Пирамида подвигалась медленно, и Туманову не раз, в продолжение этого шествия, приходило на мысль, сколь

непрочны человеческие предприятия вообще и как мало нужно, чтобы и его собственное, столь зрело обдуманное предприятие рассеялось как дым! Достаточно было одного неловкого движения!.. Однако, с божиею помощью, дело окончилось как нельзя лучше. Едва, при взрыве восторженных рукоплесканий, пирамида успела приблизиться к наружной ограде тюрьмы, как Туманов ловким скачком спрыгнул с вершины и в одно мгновение ока очутился по ту сторону тюрьмы. Все это произошло столь быстро и неожиданно, что зрители несколько времени не понимали, думая, что это не больше как продолжение того же представления...²⁵

Не будем говорить о чувствах благодарности к Творцу, которые переполняли в эту минуту душу Туманова!...²⁶

После этого мы уже застаем Туманова министром: сначала в не очень большом государстве, куда он был помещен в виде опыта, а потом в государстве более обширном.²⁷ Сделавши его министром, ему подчини-

²⁵ Весь этот хитроумный рассказ о Туманове заимствован автором из сочинений С. В. Максимова. Едва ли это не плагиат. Сап.

²⁶ Что хочет сказать автор этими без пути наставленными точками? Уж не то ли, что цензура ему в сем месте попрепятствовала? Сап.

²⁷ Желательно бы знать, в каком это «не очень большом государстве» занял Младо-Сморчковский место министра? Да и ни в каком самом маленьком государстве не могло это быть, потому что везде и своих

ли всех прочих министров, и он по-прежнему принял фамилию Младо-Сморчковского, с тою только разницей, что назывался теперь уже не вторым, а первым, так как старший Младо-Сморчковский успел в это время скончаться, оплаканный своими подчиненными.

Каким образом совершилось это новое превращение в жизни Младо-Сморчковского-первого – теперь открыть еще не время. Но можно сказать одно: он успел оказать начальству некоторые важные услуги.²⁸

Не станем описывать здесь мрачную картину²⁹ административной деятельности Младо-Сморчковского-первого. Многих он сменил, многих отдал под суд, а меры его по взысканию недоимок снискали удивление целого мира.³⁰ В течение первых двух суток по каждому отдельному предмету им было выпущено не менее двух предписаний и не меньше как по одному рапорту, а так как предметов было великое множество, то предоставляется читателю самому исчислить, какова была громадность сего предприятия. Впоследствии

Младо-Сморчковских довольно. Конечно, допускаются иногда исключения, но для сего надобно было бы доказать, что Младо-Сморчковский немецкого происхождения, в чем сильно сомневаюсь. Сап.

²⁸ Хорошо, кабы так; но опасаясь, что во всем сем нет ни капли правды. Сап.

²⁹ Кажется, что здесь прилагательное «мрачная» употреблено только для красоты слога. Сап.

³⁰ Не слышать. Сап

сами начальники неоднократно сказывали, что содрогались, когда приходила почта, приносявшая его виды и предположения.³¹

Изложим, однако ж, хотя вкратце некоторые замечательнейшие действия Младо-Сморчковского-первого на занимаемом им посту.

Во-первых, сочинил статистику, причем оказалось против прежнего всего вдвое и втрое.³²

Во-вторых, усилил производительность, а вместе с тем и источники народного благосостояния, неуклонно наказывая нерадивых и через то поселяя в них охоту к труду.

В-третьих, увеличил доходы, открыв для них новый источник в неистощимой мужицкой спине.³³

В-четвертых, обеспечил народное продовольствие, наблюдая, дабы обыватели отнюдь не потребляли сверх действительной надобности и все излишки, не разбрасывая и не расточая, сберегали на будущие времена.

В-пятых, обеспечил народное здравие, предложив кому следует наблюсти, дабы обыватели не изнуряли

³¹ Вот и видно, что выдумка. Какие могут быть у министра начальники, с которыми бы он переписывался по почте? Видно, разбойник-то где ни на есть кварталным надзирателем определился (и то, чай, в немудром каком городке), а сам возмечтал, что он министр! Сап.

³² А что он с сими излишками сделал? Сап.

³³ Сей источник весьма не нов. Сап.

себя непосильными трудами и всегда имели неприхотливую, но вкусную, здоровую и обильную пищу.³⁴

В-шестых, улучшил пути сообщения, не довольствуясь дорогами известными и существующими, но бесстрашно пролагая пути даже там, куда до того времени не заходила нога человеческая.³⁵

В-седьмых, обуздал некоторые пороки и суеве-
рия.³⁶

В-восьмых, обуздал газетчиков и писателей.³⁷

В-девятых, обуздал дух своеволия, а поборников устности и гласности разослал по городам.³⁸

В-десятых, обуздал лжеучения. Узнав, что в одном городе существует вредная секта нигилистов, собрал

³⁴ Satur venter non studet libenter. Сал.

³⁵ Не всегда полезно. Сал

³⁶ Надо поименовать, какие; в противном случае можно подумать, что все сие одно хвастовство. Сал.

³⁷ При нынешней распушенности весьма нелишне. Сал.

³⁸ Намерение доброе, но успех сомнительный. Разрушительность сих двух стихий столь велика и, так сказать, въедчива, что для действия против нее едва ли достаточно мер строгости и скорости, которыми располагал автор. В тех иных городах, куда автор рассылал поборников устности и гласности, разве они были лишены возможности продолжать свое бесстыдство? Нет, тут надо придумать иную меру – какую, еще не знаю, но, казалось, было бы не весьма дурным, если бы вообще было признано относительно лиц сей категории, что города и селения в самом принципе для них не существуют. Если это будет принято, тогда неволью их будут водворять среди степей, вдали от человеческих жилищ. Впрочем, это только одно предположение. Сал

последователей оной и предложил им оставить свои заблуждения. Что ими и было в точности выполнено.³⁹

В-одиннадцатых, обуздал неплательщиков, организовав строгое и пространное наблюдение, дабы ни один обыватель не смел ничего ни продать, ни подарить, ни иным образом отчуждить, не испросив предварительно разрешения ближайшего начальства.⁴⁰

В-двенадцатых, обуздал невежество, назначив краткие сроки для приобретения полезных знаний.⁴¹

В-тринадцатых, обуздал безнравственность.

В-четырнадцатых, вообще обуздал обывателей.

Конечно, в этом кратком перечне не поименовано и сотой доли тех действий, которые были предприняты Младо-Сморчковским-первым в видах всеобщего удовольствия, но, кажется, и этого достаточно, чтобы показать, что время его не проходило в праздности. Не надобно забывать, что, кроме того, он был ежедневно обязан:

1) По утрам – делать выговоры и замечания подчиненным, которые, без таких напоминаний, могли совсем опустить руки; 2) по вечерам – производить прогулки и являться на общественных гуляньях, дабы

³⁹ Не для вида ли только? Сап.

⁴⁰ Мысль смелая, но едва ли исполнимая, ибо подобная мера может иметь последствием контрабанду в весьма обширных размерах. Сап.

⁴¹ Так; но были ли сии знания приобретены? Сап.

личным примером поощрить обывателей к содружеству и не воспрещаемому законами препровождению времени. Так что, по собственному его выражению, он целые дни кипел как в котле.

Таковы были общие черты деятельности Младо-Сморчковского-первого. Но было еще одно особое действие, которое нелишне будет изложить здесь с большею против других подробностью.

Обыватели некоторой местности издавна довольно славились тем, что не платили лежащих на них повинностей. Вследствие сего Младо-Сморчковский-первый неоднократно ходил против бунтовщиков походом.⁴²

При помощи непоколебимой твердости духа, спешествуемой продажей скота и пожитков, недоимка была столь быстро пополнена, что, по-видимому, не оставалось ничего больше желать. Как вдруг до сведения Младо-Сморчковского-первого дошло, что обыватели означенной местности, вследствие якобы крайнего разорения от беспрестанных продаж, оставили земледелие и начали заниматься ремеслами,

⁴² Явное и непростительное смешение всех атрибутов власти. Министры никогда не «ходят походом». На это есть губернаторы и исправники; министры же сидят дома, принимают доклады и по временам ездят в гости. Где же пресловутое знакомство Младо-Сморчковского-первого с формами и обрядами делопроизводства, знакомство, столь нескромно выставляемое им на вид? Сап.

вовсе не свойственными обывательскому быту. Удостоверившись в справедливости этого слуха и приняв во внимание: а) что Россия есть государство, по преимуществу, возделывающее землю; б) что с упадком земледелия земли постепенно грубеют и делаются неспособными к произрастанию чего-либо иного, кроме сорных трав, и в) что с тем вместе приходят в упадок: народное продовольствие, народное здравие, народное богатство и самая народная нравственность, – Младо-Сморчковский-первый постановил: восстановить земледелие в упомянутой выше местности в его прежнем величии, хотя бы даже в сих видах потребовалось употребить меры строгости.

Прибыв в селение с достаточною командою,⁴³ он, дабы не обескуражить обывателей сразу, предварительно предложил им вопрос: почему они оставили свойственное им занятие? И, получив в ответ, что оставили потому, что, за распродажею принадлежащего им скота, стало им нечем навозить землю, нашел такой ответ нерезонным.⁴⁴ Тогда произошел следующий замечательный разговор:

– Ну, а если я прикажу вам сегодня же, сейчас же, сию минуту вспахать и заборонить принадлежащие вам земельные участки? – спросил Младо-Сморчков-

⁴³ Опять-таки, не министрово это дело. Сап.

⁴⁴ Ответ можно назвать строптивым, но нерезонности в нем нет. Сап

ский-первый, прилично возвысивши голос.

– Воля твоего благородия, а мы не можем!

– Точно не можете?

– Так точно, ваше благородие.

– Жаль-с. Очень жаль-с. Окольные люди! исполняйте ваши обязанности!

Начали исполнять. Со стесненным сердцем смотрел Младо-Сморчковский-первый на сие зрелище, но делать было нечего, потому что надлежало пресечь зло сразу и в самом корне. И действительно, через полчаса было уже доложено, что обыватели, запрягши лошадей в сохи, выехали в поле.⁴⁵

Но этим дело не кончилось. Как только выехал Младо-Сморчковский-первый в обратный путь, так тотчас же принялись обыватели за прежнее своеволие. Надлежало вновь объявлять поход и новыми мерами строгости вразумлять сопротивляющихся. Так продолжалось до трех раз, пока, наконец, поля не были окончательно вспаханы, заборонованы и засеяны, под надзором десятских и сотских. И таким образом, было торжественно восстановлено нарушенное послушниками земледелие.⁴⁶

⁴⁵ А выше было сказано, что весь скот распродан. Откуда же вдруг взялись лошади? Сап.

⁴⁶ О сей истории не знаю, что и сказать, по той причине, что результатов не показано. Какую пользу принесло земледелие, лишенное удоб-

Такая неусыпная деятельность обратила общее внимание на Младо-Сморчковского-первого. Много было у него врагов и завистников, но всех он преодолел, ибо дела его громко говорили сами за себя. Обремененный почестями и знаками общественного доверия, он жил до глубокой старости, успев, в течение этого времени, вступить в законный брак с княжною Великосветскою и прижив от нее двенадцать дочерей и ни одного сына.⁴⁷ Каждой из них он дал в приданое по двести тысяч, что показывает, что капитал у него был немаловажный.

В «Российской родословной книге», составленной кн. Петром Долгоруковым, значится:

Младо-Сморчковский – Григорий Иванович, был министром в двух государствах; женат на княжне Евдокии Федоровне Великосветской. У них:

1) *Евдокия Григорьевна* – в замужестве за камер-юнкером Монсом.

2) *Анна Григорьевна* – в замужестве за кавалером индустрии⁴⁸ Сан Фуа-ни-Луа.

рения и произведенное с помощью лошадей неизвестного происхождения? Кажется, что польза сомнительна. Не лучше ли было бы, землю отобрав, отдать ее опытным и благонамеренным помещикам, а нерадивых определить к ним в качестве работников? Предлагаю это разрешение вопроса вниманию автора. Сап.

⁴⁷ Не рано ли о сем помышлять. Сап.

⁴⁸ Не слишком же завидную партию сделала сия воображаемая Анна

- 3) *Прасковья Григорьевна* – в замужестве за герцогом курляндским Бироном.
- 4) *Наталья Григорьевна* – в замужестве за графом Кирилою Разумовским.
- 5) *Евпраксия Григорьевна* – замужем за бывшим польским королем Понятовским.
- 6) *Екатерина Григорьевна* – в замужестве за светлейшим князем Потемкиным-Таврическим.
- 7) *Любовь Григорьевна* – в замужестве за графом Дмитриевым-Мамоновым.
- 8) *Юлия Григорьевна* – в замужестве за свирепым временщиком графом Аракчеевым; судилась за жестокое обращение с крепостными людьми.
- 9) *Мария Григорьевна* – вышла по любви за акцизного офицера, но, несмотря на скромную долю, была весьма счастлива и имела множество детей.
- 10) *Ольга Григорьевна* – в замужестве за блестящим французским посланником, герцогом Морни.
- 11) *Надежда Григорьевна* – совратилась в католицизм, отравив сердца родителей. Имела впоследствии огромное влияние на испанскую королеву Изабеллу, под именем сестры Патросинии. Погубив Изабеллу, бежала из Мадрида с уланом и была поймана в Баль-Мабиле.
- и 12) *Клавдия Григорьевна* – в девицах; жила про-

центами с своего капитала.

В 18** году Младо-Сморчковский-первый скончался, оплаканный многочисленным потомством, знакомыми и подчиненными. Когда тело его, заключенное в богато убранный гроб, было выносимо из дома, то многие из директоров департаментов плакали. Вскоре за ним, не могши перенести разлуку, последовала в могилу и любезная супруга его.

Мир праху твоему, *добрый служака!*

Общие замечания на сие сочинение

Сочинение сие замечательно тем, что вносит в административную практику весьма предосудительный прецедент. А именно: позволяет думать, что, будучи предварительно разбойником, можно со временем сделаться администратором. Неслыханное это нововведение тем опаснее, что самое сочинение написано слогом правильным и заманчивым, а следовательно, может найти довольное количество легкомысленных последователей и прозелитов.

Это первое. Но можно сказать еще нечто не вполне похвальное и о полете фантазии авторской.

Полет фантазии, конечно, служит украшением для всякого словесного упражнения, и пределы ему в этом случае указать довольно трудно. Чем больше рито-

рических украшений, тем больше неожиданностей, а чем больше неожиданностей, тем сильнее возбуждается удовольствие. Это бесспорно. Но дело не в границах полета фантазии, а в его характере. Если характер полета возвышенный, то пределы ему даже полагать было бы безрассудно. Так, например, известный наш ветеран и поэт, Ф. Н. Глинка, в своей поэме «Капля», бог знает чего не написал, но никто сему никогда не удивлялся, потому что полет автора имел характер возвышенный. Точно то же и Державин.

Ступит на горы – горы трещат!

Станет на воды – воды кипят!

– сказал он, и хотя в сем поступке воспеваемого им героя не видится никакого вероятия, тем не менее полет фантазии все-таки прекрасен, ибо возвышен. Со всем иное дело, если авторский полет имеет в предмете действия обыкновенные, так сказать средние. В этом случае оный хотя и не неуместен, но должен до некоторой степени подчиниться правилам, предписываемым правдоподобием.

В сем отношении разбираемое сочинение весьма подлежит критике. Автор, очевидно, хотел изумить читателей разнообразием выдумок, но, взявши для них основанием дела самые простые и не удержавшись притом в границах правдоподобия, весьма своей затее повредил.

Не говорю уже о том, что должности разбойника и администратора не только не однородны, но даже и по внешнему своему выражению весьма различны; не говорю и о других невероятных выдумках, как, например, о каком-то «не очень большом государстве» и проч. Все это само говорит за себя. Но обращаю внимание автора на список дочерей, который он привел в конце своего сочинения. Независимо от того, что возможность иметь двенадцать дочерей (почему не сыновей? из них, по крайней мере, могли бы выйти полезные слуги!) дана не всякому; но, предположив даже, что это подлинно так было, спрашивается: каких супругов автор определил к своим дочерям? Во-первых, некоторых таких, о которых достоверно известно, что они совсем в браке не состояли, и, во-вторых, таких, которые хотя и состояли в браке, но с девицами других фамилий, о чем, конечно, и «Российская родословная книга» князя Долгорукова не умалчивает. К чему же может привести столь грубый обман? Не к тому ли естественному последствию, что читатель, наскучив непрерывным несогласием написанного с тем, что ему достоверно известно, и все прочее причтет к такому же обману, не воспользовавшись даже теми чертами, которые вполне несомненны и истинны. Пушкин сказал:

Тьмы низких истин мне дороже
Нас возвышающий обман...

Это так; но нужно прежде всего разрешить себе: когда обман возвышает? А вот когда: тогда, когда его нельзя обличить, или, по крайней мере, когда этому обличению полагают пределы некоторые мероприятия и распоряжения. При этом условии обман не только в совершенстве заменяет истину, но даже принимает ее название и для отличия от истины настоящей (для всех очевидной и потому *низкой*) называется истиною *высокою*. Но можно ли сказать что-либо подобное о тех вымыслах, которыми наполнено разбираемое сочинение? Позволительно ли, например, допустить, чтобы кого-нибудь возвысил, или утешил, или возбудил в ком-нибудь жажду подвигов такой обман, как причисление Младо-Сморчковского-первого себя в родню герцогу Морни? Нет, допустить этого ни под каким видом нельзя, ибо брак герцога Морни у всех на памяти и, следовательно, рассчитанная на сей случай спекуляция есть предприятие не весьма надежное.

В заключение рекомендую автору обратить особое внимание на те примечания, писанные на полях его сочинения, в которых порицается непочтительность его к родителям. Знаю, что в новейших руководствах поименовывается некоторый авторский при-

ем, называемый объективностью, и что молодой автор может, пользуясь сим, сделать изворот и сказать, что он в этом случае был объективен и покорялся духу времени. Но не мешало бы, чтобы на сей раз самая объективность явилась более субъективной, то есть согласовалась с теми правилами, которые внушались автору любезною его родительницею.

Сапиентов.

II. Добрый служака

(Сочинение 12-летнего Сережи Младосморчковского)

Не помню, когда я родился; знаю только, что в это время отечество было в опасности. Папаша вздыхал, мамаша плакала и говорила: «вот попомните мое слово, что эти господа (она разумела здесь: Новосильцева, Строганова, Чарторыйского и Сперанского,⁴⁹ то есть известный в то время *comite du salut public*) сведут Россию в бездну погибели!» И действительно, скоро сделалось известным, что над папашей назначена строжайшая сенаторская ревизия.

Трудно передать здесь все бедствия, которые испытали по этому случаю мои почтеннейшие родители; довольно будет, если я скажу, что папаша должен был уделить значительную часть из собранной прежде добычи, чтоб удовлетворить духу времени. А дух был, поистине, ужаснейший. Все требовали конституций, все хвалились мятежными нравами, все говорили о каких-то правах, и никто не мог достоверно объяснить, что именно означают сии новые для нас

⁴⁹ Сей один был всему злу корень; он опутал своими сетями прочих невинных. Сап.

выражения. Это был модный разговор, за который в то время не только не наказывали, но даже награждали хорошими и доходными местами. Одним словом, все ходили ощупью, ища конституций и не находя их.

Я знал, например, одного полковника, который об этом предмете знал не больше других, но получил генеральский чин и прекрасное место по комиссариатской части за то только, что в одном рапорте вернул⁵⁰ следующую фразу: «обуреваемый духом свободы, вверенный мне батальон жаждет сразиться с врагами оной». По этому одному примеру можно судить и о прочем.

Наконец, однако, здравая политика восторжествовала. Папашу не только оставили на прежнем месте, но еще похвалили, а к либералу-полковнику (которого перед тем, за мятежный дух, произвели в генералы) пришел от графа Аракчеева запрос: приносит ли он чистосердечное раскаяние?⁵¹ Разумеется, он поспешил в трогательных выражениях ответить, что вперед не будет, и дело было покончено только тем, что его несколько раз обошли чином. Все радовались и ликовали (а во главе всех и преступный полковник), как бы

⁵⁰ Тривиально. Сап

⁵¹ Граф Аракчеев никогда, никого и ни о чем не спрашивал, а прямо воздавал кому что надлежит. Сап.

праздную победу над внутренним врагом.⁵²

Этот возврат к началам здоровой политики чудесным образом совпал с вступлением моим в зрелый возраст.

Еще будучи ребенком, я выказывал довольно замечательные склонности, я любил следить за направлением умов, охотно, под видом игры, прислушивался к разговорам в девичьей и на кухне, а так как это занятие требует весьма прилежного выведыванья, то можно сказать смело, что времяпровождение мое было самое разнообразное. Решившись что-нибудь вызнать, я обыкновенно принимал вид весьма просто-сердечный и невинный, а нередко даже представлял из себя человека с возвышенными чувствами. Вскоре я так хорошо успел в этом искусстве, что не только посторонние, но даже иногда я сам не мог отличить, когда я лгу и когда говорю правду.⁵³ Этим путем я приобретал множество самых разнообразных сведений, и когда примечал, что можно сделать из них небесполезное употребление, то охотно делился своими наблюдениями с старшими.

К такому раскрытию истины меня побуждало еще и

⁵² Сии враги, кажется, слишком большую роль в семействе Младо-Сморчковских играют. Сап.

⁵³ Не знаю, что и сказать о сей способности. Посмотрим, какое ей будет дано употребление. Сап.

то, что за всякую открытую мною истину мне давали или сладкий пирожок, или конфекту, а когда я однажды открыл в девичьей весьма важный заговор,⁵⁴ то мне сделали даже новую курточку. Впоследствии эта откровенность моя сделалась столь известною, что меня нигде иначе не называли, как откровенным ребенком, а многие начали даже опасаться моего слишком открытого нрава.

И вот однажды (когда я уже пришел в зрелый возраст), к мамаше приехал генерал, весь вышитый золотом, и потребовал секретной аудиенции. Разумеется, как только они скрылись в соседней комнате, я сейчас же приложил ухо к дверной скважине и услышал следующий разговор.⁵⁵

– Сударыня! – говорил вышитый золотом генерал, – до сведения моего дошло, что у вас есть сын замечательной любознательности и удивительно откровенного характера?

– Да, генерал, – отвечала мамаша, – могу сказать, что бог именно благословил меня в этом ребенке!

– Если все, что про него рассказывают, справедливо

⁵⁴ В чем состоял сей заговор? Желая знать. Сап.

⁵⁵ Зачем? Позволительно и даже полезно прислушиваться к речам преступным, но нельзя было предположить, что таковой характер имел разговор любезнейшей родительницы автора с почтенным генералом. В сем случае подслушивание составляет уже дурную привычку. Сап.

во, то это будет совершенная находка! Можете себе вообразить, как обрадуется наш князь!

– Не смею хвастаться, но думаю, что это действительно замечательный юноша. Например, я вполне уверена, что он даже в настоящую минуту подслушивает нас!

– Не может быть!

– Попробуйте убедиться! Но предупреждаю вас, генерал, что вряд ли вы уличите его, потому что он мастерски умеет хоронить концы в воду!

Послышалось осторожное движение стульями и потом шаги. Я, разумеется, тотчас же отпрянул, и когда дверь внезапно отворилась, то я уже с беспечным видом прохаживался по зале, насвистывая какую-то песенку. Генерал улыбнулся, покачал головой и проворкотал:

– Изумительно!!

– Я вижу, сударыня, – продолжал он к сияющей счастьем мамаше, – что дальше скрываться от этого юноши было бы бесполезно. – Итак, приступим к делу прямо, В непродолжительном времени, в каждой из наших провинций предполагается поместить по одному откровенному ребенку... друг мой! отвечай мне искренно, согласен ли ты принять на себя звание откровенного ребенка в П***?

– Согласен, – отвечал я, – но с одним условием.

– С каким же?

– Чтобы откровенность моя была сокровенною.

– Ты угадал мою мысль! Итак, по рукам! Поезжай с богом! вот тебе на дорогу деньги; посылай сейчас же за лошадьми и скачи! Ибо враги не дремлют!

Сказано – сделано. Я обнял рыдающую мать, перецеловал братьев и сестер и поскакал.

Таким образом было положено начало тем блестящим успехам, которые ожидали меня в будущем.

Еще дорогой я успел нечто наблюсти. Так, например, на одной станции смотритель открыто выражал недовольство правительством за дожди, которые в то время размыли дорогу и делали переезды весьма трудными. На другой станции встретился мне вольнодумный ямщик, певший романс профессора Мерзлякова:

Я лиру томну строю
Петь скорбь, объявшу дух,
Приди грустить со мною,
Луна, печальных друг!⁵⁶

Разумеется, все эти наблюдения были записаны мною на особой бумажке.

⁵⁶ Романсы профессора Мерзлякова приятны и располагают к чувствительности, вольнодумства в них нет. Впрочем, приведенный выше романс принадлежит совсем не Мерзлякову, а Капнисту. Сап.

Приехавши в П***, я немедленно приступил к делу, то есть начал стороной выведывать, в каких отношениях находится губернский предводитель к губернатору, не разжигают ли акцизные чиновники народных страстей, какого рода конституции изготовляют чиновники контрольные и проч. и проч. Полученные результаты были весьма для меня неожиданны. Оказалось, что губернатор и губернский предводитель дворянства живут душа в душу и угощают друг друга обедами, что акцизные чиновники, не помышляя о пропаганде либеральных идей, мирно пользуются присвоенными им окладами, контрольные же чиновники под словом «конституция» разумеют первые четыре правила арифметики.

Вообще это губерния весьма необыкновенная. Как только въезжаешь в границы ее, так уже чувствуешь, что пахнет съестными припасами, и слышишь кругом раздающееся чавканье. Все ест, или отдыхает от еды, или вновь об еде помышляет. Всякое сословие лакомится свойственными ему лакомствами. Рогатый скот изобильно откармливается бардою и дурандою; мужики (в урожайные годы) едят хлеб и по праздникам саломату с маслом; купцы и мещане пристрастны к пирогам; дворяне насыщаются говядиной, телятиной и поросятами, пьют квас, водку и наливки; духовные лица находят утешение в рыбе; чиновники ко

всему изложенному выше прибавляют трюфли и тонкие французские вина. Результаты такого социального устройства угадать нетрудно; это спертость в воздухе, осовелость в обывательских глазах и не совсем большая прочность семейных уз.

Это последнее обстоятельство было очень важно, ибо, воспользовавшись им умненько, я мог вывести заключение «о непризнании брачного союза». Такие находки делаются не каждый день. Я начал вникать и исследовать.

Анализируя день обывателя час за часом, я открыл, что он распределяется следующим образом. В восемь часов – пробуждение и затем, до девяти, чай с булками, маслом и вчерашним жарким; нередко, однако ж не каждодневно, – умывание. От девяти до одиннадцати – домашние исправительные наказания, прогулка по комнатам, посвистывание, хлопанье себя по бедрам и так называемая еда походя с прикладываньем к графинчику. В одиннадцать часов – настоящий завтрак с водкой, причем съедается какое-нибудь мелкое животное или большая птица. От двенадцати до трех – визиты, или, лучше сказать, непрерывное закусывание в разных домах. В три – обед с водкою и наливкой, а у чиновников и с французским вином, причем съедается несколько больших и малых животных и в соразмерности рыб и птиц. В

четыре часа – осовение, продолжающееся до шести и прерываемое употреблением впросонках квасу. В шесть – тоска, излечиваемая рюмкой водки. От семи до осьми – чай с булками и давешним жарким. В восемь – игра в карты, а так как, в той же комнате, на особом столе, всегда находится приготовленная закуска, то пользование и ею. В одиннадцать – ужин и затем сон.

Но где и как проводит ночь обыватель?

Исследуя этот вопрос, я удостоверился, что он спит не дома, а там, где застанет его прихотливый вкус. Я заводил с обывателями разговоры, старался вызнать, случайно ли вкоренилась между ними столь неряшливая привычка и не видится ли тут влияния разрушительных противосемейственных доктрин?.. Но оказалось, что о семейном союзе они рассуждают не только здраво, но по временам даже чувствительно!! Что ж я узнал! что все эти ихние поступки не от чего другого происходят, как от простосердечной небрежности в различении своих логовищ от чужих! что всему причина не философия, а еда и большое употребление горячих напитков.⁵⁷

Такое открытие не могло не огорчить меня.⁵⁸ Я ждал

⁵⁷ Принимая во внимание юный возраст автора, казалось бы, что исследования сего рода для него преждевременны. Сап.

⁵⁸ Не огорчить, а утешить оно должно было, потому что в том много

весьма много неожиданностей, а встретил мирный сон обывателей, сопровождаемый постепенным питанием! Я ждал сокровенных мыслей и недозволенных начальством мечтаний, а увидел, что самые глаза сих людей протестуют против всякой мысли о каких-либо мечтаниях.⁵⁹

Немного найдется таких, кому известно, как трудны, а подчас и несносны занятия, сопряженные с званием Откровенного Ребенка. Ходить дни и ночи в слякоти, под дождем и снегом; не без опасности прислушиваться у дверей и скважин; заводить знакомство с кучерами, кухарками и прочей прислугой; стараться разгадать смысл всякого шороха, уловить всякое движение, остановить на лету всякую мысль, осуществить всякое слово – никто, конечно, не скажет, чтобы такая задача была по силам каждому! Но что, бесспорно, всего труднее – это прикидываться либералом! Если даже в чужих устах мятежное слово уже кажется достойным примечания, то в устах своих соб-

есть утешительного, если люди хотя и довольно дурно поступают, но не по злонамеренности, а от душевной простоты. Сап.

⁵⁹ Если автор надеялся за свои открытия получить награду, то огорчение его понятно. Но в таком случае он должен был препроситься в другую губернию, где мечтателей в изобилии. Во всяком разе, желать насаждения мечтательности в таких губерниях и уездах, где ее нет, едва ли согласно с правилами той здравой политики, о которой упоминается в начале сочинения. Сап.

ственных оно просто-напросто изумляет и приводит в страх. Слышишь себя проповедующим разрушительные идеи и не веришь ушам своим. В ту минуту, когда бьешь себя в грудь и с налитыми кровью глазами (необходимая принадлежность всякой разрушительности) доказываешь пользу революций, – в эту минуту, говорю я, готов сам на себя написать извещение, сам готов понести заслуженное за дерзость наказание!

Да; не дай бог даже врагу испытывать подобные, единственные в своем роде минуты!⁶⁰

Вообще о либеральном яде скажу, что он до крайности въедчив. Иногда начинаешь защищать его довольно притворно, но, постепенно разгораясь, вдруг входишь в такой неожиданный восторг, что мысли, не признавая над собой никакой власти, начинают как бы кружиться и рассыпаться по всей голове. Не знаешь, где ложь и где правда; хочешь замолчать – и все говоришь; хочешь сказать такое-то слово – а выходит совсем другое. И если такая практика случается часто и притом не обладаешь достаточно твердыми правилами, то не успеешь и оглянуться, как впадешь в нигилизм. Примеры таковых падений бывали, и довольно нередкие. Я знал одного полковника, который долгое время притворно бил себя в грудь, а кончил тем,

⁶⁰ Весьма похвально. Сап.

что прекратил веру в бессмертие души. Другой подобный же случай был с одним генералом: этот первоначально с весьма похвальной целью начал прочитывать либеральные сочинения, а под конец наострился так, что сам стал довольно порядочно (по-ихнему) доказывать пользу вредных наук.

Но я не отчаивался и выжидал. В это время дошло до моего сведения, что в городе П. образовалась довольно опасная секта, носившая странное название «оглашенных недорослей». Устроив наскоро наблюдательный пункт, я открыл, что кодекс этой секты состоял из нижеследующих двух пунктов: 1) считать себя от наук независимыми и убеждений не иметь и 2) стремиться и достигать. В состав секты принимались преимущественно молодые люди с бесстыжим характером, которые собирались по ночам и предавались необузданной пляске, прерывая ее криком: «фить!»

Я был поставлен в самое фальшивое положение.

Как смотреть на нежелание учиться? Полезно оно или вредно? – на этот счет я никаких указаний не имел. Я знал, конечно, что науки разделяются на полезные и вредные,⁶¹ но знал также, что науки, во всяком случае, существуют и что часть их не без пользы преподается даже в казенных заведениях. И вдруг –

⁶¹ Желательно было бы, чтоб автор подробнее указал основания такого деления наук. Сап.

ни одной! Несколько раз я призывал господ сектаторов к себе, пробовал усоветивать и увещевать, но всегда без пользы. Бесстыжие молодые люди с своей стороны небезосновательно [Никак нельзя этого сказать, ибо:

Науки юношей питают,
Надежду старцам подают.

Все дело состоит лишь в том, чтобы с расчетом определить способы питания, дабы молодое дерево не могло пойти в сук. *Сал.*] возражали, что если одну науку признать, то необходимо будет признать и прочие.

То же самое и относительно убеждений. Я знал, что существуют убеждения полезные и убеждения вредные, но чтобы могло не быть никаких убеждений – того не знал. Тем не менее и по этому случаю я усоветивал и увещевал, но получил в ответ, что так как каждый человек свое убеждение непременно считает полезным, то, дабы прекратить всякие по сему предмету пререкания, обществом оглашенных недорослей определено: все вообще убеждения считать одинаково вредными. Что также было не совсем безосновательно.

Но ежели сомнение было еще дозволительно относительно наук и убеждений, то оно возрастало в му-

чительнейшей степени при разъяснении слов: «стремиться и достигать». К чему стремиться? Чего достигать? Не заключается ли тут, например, покушения на целостность государства? Чтобы вполне убедиться в этом, я решил лично присутствовать на одном из собраний и с этой целью сбрил себе усы и оделся в трико (бальный ихний костюм).

Собрание открылось в полночь и началось танцами («оглашенные» собрались во множестве, и при том обоего пола), сопровождавшимися некоторыми соблазнительными движениями, которые, однако, довольно мне понравились. Потом шло поклонение богине невежества, которую представляла весьма красивая женщина, стоявшая на возвышении. Она пела французские известные романсы: «а moi l'rompon!», «et j'frotte et j'frotte et allez done!» и другие, воспевая в них сладость освобождения от наук. Присутствующие подпевали и, придя в восторженное состояние, выражали свою радость зверскими криками. Однако и это мне довольно понравилось, тем больше что в промежутках разносили конфеты, фрукты, бутерброды и прохладительные напитки. Но вот запели третьи петухи, и сцена внезапно изменилась. На лицах изобразилась сосредоточенная кровожадность; руки были простерты вперед, как бы устремляясь нечто схватить и растерзать.

– Господа! начинается игра в губернии! – прогремел голос президента собрания посреди воцарившегося молчания.

«Стремиться и достигать!»! – вспомнилось мне.

– В настоящее время две губернии находятся в обнаженном состоянии, – продолжал президент и назвал при этом одну губернию, в которой, при тщательном уходе, может произрастать виноград, и другую, в которой между прочими богатствами природы обитают раскольники.⁶²

Вся зала затрепетала.

– Чья очередь травить? – вновь возгласил президент.

– Моя! моя! – раздалось со всех сторон.

Все ринулись к возвышению, на котором стоял президент, и все вдруг заговорили. Смятение было неописанное; слышались мольбы, угрозы, упреки; одни скрежетали зубами, другие подставляли ноги, третьи падали, и вновь поднимались, и вновь падали... Постороннему человеку могло показаться, что это даже и не игра, а серьезное дело. Я насилу унес ноги.

Подозрения мои насчет посягательств на целостность государства оправдались. Самовольство господ «оглашенных» в распоряжении частями империи было столь явно, что я в первый раз в жизни встре-

⁶² Раскольников нельзя причислять к богатствам природы. Сап.

вожился. Они целыми губерниями располагали с такою же непринужденностью, с какою я располагал теми из подаренных мне игрушек, которые, вследствие долговременных детских истязаний (некоторые подвергаются даже неразумному процессу сосания), делаются окончательно никуда не годными. Тем не менее, несмотря на очевидную опасность, я счел нужным предварительно прибегнуть к увещанию.

– Господа! – говорил я им, – вы не признаете наук – я охотно готов смотреть на это сквозь пальцы! Вы не видите пользы в убеждениях, и с этим я, пожалуй, могу помириться! Но я не могу допустить, чтоб вы играли нашими прекрасными губерниями, как я играю моими старыми игрушками!

С этими словами я удалился.

Как видится, я сделал весьма важную уступку; быть может, я пошел бы и дальше, то есть оставил бы дело без огласки, если б благородные юноши остепенались. Но они не унимались; тайные сборища становились все более и более шумными, а крик «фить» раздавался с такою нескромностью, что многие обыватели встревожились. Тут же, как на грех, в «Московских ведомостях» появилась статья с предостерегающим характером.

Далее я молчать не мог.⁶³

⁶³ Автор вообще не обладает искусством полагать различие между

Но каково было мое удивление, когда я через несколько времени получил ответ, что замеченная мною «игра в губернии» известна весьма давно и, заменяя игру в дураки, служит для благородных юношей завидным препровождением времени. Что же касается до слова «фить!», то и оно может заставить трепетать только злых и коварных, добрых же и благонамеренных должно, напротив того, укреплять в их простосердечии.

Признаюсь!!

Но делать было нечего; хоть и удивителен показался мне этот ответ, но надлежало переменить тактику. И вот тут-то я выказал те чудеса изобретательности, которым впоследствии удивлялся сам Наполеон III.⁶⁴

Я понял, что предметом моей деятельности должны быть «злые и коварные», и решился разом изловить их всех.

В этих видах я распорядился следующим образом:

Во-первых, увеличил число моих добрых товарищей в такой мере, что вскоре на каждого обывателя

прошедшим, настоящим и даже будущим. В то время, о котором идет речь, «Московские ведомости» статей с предостерегающим характером не писали, да и ныне не пишут, а имеют писать таковые, когда поступят под редакцию М. Н. Каткова. Сап.

⁶⁴ Едва успели справиться с первым злодеем, как уже автор сулит еще двоих! Сродно ли это патриотизму благородного дитяти? Сап.

считалось по одному доброму товарищу.⁶⁵

Во-вторых, для большей удобства, снабдил моих сподвижников кастетами и сортидебалями и каждому из них вручал по отмычке, с помощью которой можно было отпереть всякий замок.

В-третьих, приобрел несколько сподвижников женского пола, которые своими приятными манерами могли вызывать дерзкий образ мыслей.

Сделавши все это, я крикнул: «загоняй!» – и сел себе спокойно дожидаться обильного улова.

Но подобно рыбаку, раскидывающему на большое пространство дорогостоящий рыболовный снаряд и уловляющему с его помощью лишь пискаря, я должен был обмануться в моих ожиданиях. Скажу более: я не уловил и пискаря.

Как я ни напрягал мой слух, ничего не долетало до него, кроме чавканья. Казалось, все сговорилось, чтоб испортить мою карьеру. Тщетно мои сподвижники мужского пола действовали отмычками (кастеты были так дурно сделаны, что тотчас же оказались негодными), а сподвижники женского пола расточали ласки: дело всегда кончалось тем, что первых напая-

⁶⁵ В видах исполнения обязанностей полезно; но не произойдет ли вреда для земледелия, промышленности и ремесл, если половина граждан будет заниматься тайным наблюдением за другой половиной? Сап.

вали пьяными, а вторых увозили к Излеру.⁶⁶

Возникли даже сомнения в моем искусстве и опытности. «Не может быть, – писали мне, – чтобы не было ни коварства, ни злоумышления; злодеи везде во множестве, но вы или не можете, или не хотите накрыть их...»

Что было мне делать?

Не раз обращал я взоры на предводителей дворянства и постепенно разжигал их самолюбие, думая этим путем возбудить в них либеральные чувства, но постоянно встречал ответ, что самолюбивые предводители водятся только в губерниях нечерноземных!

Не меньше того занимали меня и гимназисты, которым я давал понять, что, по нынешнему образованному времени, в некоторых государствах уже не родители детей секут, а наоборот,⁶⁷ но они отвечали, что они бы и рады, но навряд ли родители до сего их допустят.⁶⁸

Других же элементов коварства не было.

Тогда я решился на отчаянное средство. В молодости моей⁶⁹ я читывал, что настоящие заговорщики

⁶⁶ Это еще кто такой? Сап.

⁶⁷ Вот как! Сие известие столь ново, что не мешает об нем сообщить мамаше автора. Сап.

⁶⁸ И я так думаю. Сап.

⁶⁹ Да и теперь не весьма древний старик. Сап.

собираются всегда по ночам и что местами сорищ, по преимуществу, бывают или старинные замки, или оставленные развалины, или, наконец, леса. Там, собравшись на полянах или под каменными сводами мрачных подземелий, они злоумышляют при свете потаенного фонаря. Но так как у нас нет ни замков, ни развалин, то я посягнул направить шаги мои в лес.

Я не в силах изобразить чувство священного ужаса, овладевшего мной при виде сих столетних свидетелей стольких злодеяний! Сколько ужасных тайн поверено их безмолвию! Какую прекрасную карьеру мог бы сделать тот, кому удалось бы исторгнуть хоть часть этих тайн! Я шел бодро. Звезды блистали в вышине, как бы освеща⁷⁰ картину несчетных таинственностей, которых театром служил этот лес. Всеобщее ужасное безмолвие внезапно оглашалось то пронзительным свистом хищной птицы, то яростным ревом зверя или жалобным стоном раздираемой им жертвы. По временам, между деревьями, мелькали привидения. Кто знает? Может быть, это были неоплаканные души убитых здесь жертв? Или, быть может, какие-нибудь благодетельные духи, предостерегавшие запоздалого путника от грозившей ему опасности?..

Я шел, и слезы струились из глаз моих. Я вспомнил мою мамашу и милых братьев, которые в эту самую

⁷⁰ Не как бы освещающая, а действительно освещающая. Сап.

минуту, вероятно, почивали сном невинности в своих маленьких, теплых кроватках...⁷¹ «Что я такое? – говорил я себе, – какая ужасная судьба тяготеет надо мною? За что должен я выносить пронзительную сырость ночи, изнемогать под палящим зноем дня, освежаться лишь зефирами, выслушивать дикий рев зверей и, быть может, со временем быть ими растерзанным? Ужели я должен пасть жертвою административной таинственности?»

Имею ли я чувствительную душу и сердце, способные трепетать? Да, я доказываю это ежедневно своим кротким поведением и покорностью, с которой исполняю приказания доброй родительницы. Сверх того, я не недоступен и красотам природы. Отчего же я делаюсь свиреп и кровожаден, как только вступаю на путь таинственности? Отчего душа моя делается недоступною для жалости и сердце никаких других зрелищ не просит, кроме зрелища последних содроганий.⁷² Увы! это тайна, которую не мог разгадать даже я, несмотря на то что много лет служил по секретной части...

Я был одет поселянином и для большего сходства

⁷¹ Хорошо. Похвально. Сап.

⁷² Жалкое смешение похвальных чувств с непохвальными! Необходимо устроить строгое самонаблюдение, дабы налицо остались одни похвальные. Сап.

держал в руках лукошко, как бы собирая в него грибы.⁷³ Таким образом, никто ничего заподозрить не мог.

Я бодро шел и прислушивался. Сначала все было тихо и никаких признаков злоумышления не примечалось. Но по мере того, как я углублялся в чащу, успех делался очевидным. Во мне заговорил внутренний голос, который всегда говорит, когда что-нибудь предвидит важное. И действительно, вскоре мой слух был поражен звуками голосов.

– Непременно надобно его уничтожить, – говорил неизвестный голос, – потому что, если мы и теперь его упустим по-намедашнему, он нас в разор разорит!

– Нужно теперь жеребий кинуть, кому стрелять! – отвечал другой, тоже неизвестный голос.

Я остановился как вкопанный; потом, с быстротою кошки, влез на столетнюю сосну и на вершине ее устроил обсервационный пункт. Вид, который открывался передо мной, был очарователен. Прямо расстилалась небольшая полянка, блистающая изумрудами и как бы сплошь покрытая перлами росы; направо и налево сплошную стеною дремали широковетвистые дубы, как бы охраняя полянку от нескромного взора; вдали вился смеющийся ручеек, отражая в своих прихотливых извилах мириады звезд. Я был уми-

⁷³ По ночному времени, едва ли хитрость сия может быть названа натуральною. Сап.

лен: я был готов простить. Не знаю, сколько времени я плакал, покуда, наконец, чувство долга взяло верх над чувствительностью. Я взглянул вперед и увидел двух заговорщиков, стоявших в глубоком безмолвии. Оба были одеты в крестьянских одеждах; один из них держал ружье на прицеле. Прошло томительные полчаса; я почти не дышал и с трепетом прислушивался к биению моего сердца. Вдруг послышался треск, сперва отдаленный, потом все ближе и ближе. Из леса вышел громаднейший медведь из породы стервятников, но это был, разумеется, не медведь, а знаменитый принц Шарман, обращенный в медведя злым волшебником. Узнав его, я замер...

– Стреляй! – раздалось во тьме ночной.

– Ни с места! – вскричал я, вне себя от ужаса.

Не помню, как я не слез, а скатился с дерева и очутился около заговорщиков; не помню, как я перевязал злодеев и отвел их в часть.⁷⁴ Я был в таком энтузиазме, что сам не понимал, что делаю. Помню только, что принц плакал и обнимал меня (он вдруг из медведя сделался красивейшим принцем), называя своим спасителем.

На первом допросе злодеи, конечно, ни в чем не сознавались; но по мере того, как их секли и кормили се-

⁷⁴ Должно думать, нарочно для сего случая в лесу была выстроена? Сап.

ледками, сделались весьма откровенными. Тут я открыл столько разветвлений, что сердце мое навсегда окаменело для жалости. Тут я впервые и совершенно невольно произнес то самое слово «фить!», против которого я столько ратовал и которое охотно повторяю и теперь в важнейших случаях.

Это блистательное дело принесло мне сто тысяч рублей и утвердило мою репутацию на незыблемом основании.⁷⁵ Происшествие это как раз совпало с приготовлениями к перевороту 2 декабря, который впоследствии совершен был во Франции искусною рукою Наполеона III. Потребовалась вдруг большая масса людей, умеющих владеть кастетами и сортидебалями. Я не задумался ни на минуту и по первому вызову полетел во Францию, приняв фамилию мосье Мушара, так как не знал подлинно, понравится ли моя выходка доброй мамаше.⁷⁶ Ловкость и разнообразие, с которыми я применял кастет, были таковы, что изумили даже графа Морни. Само собою разумеется, что я получил весьма важное место при перевороте.

За это дело я получил пятьдесят тысяч франков из собственных рук... из чьих? – чувствительное твое

⁷⁵ Все сие весьма неправдоподобно. И вымысел имеет свои пределы. Сап.

⁷⁶ Конечно, не могла понравиться, ибо даже подумать больно, что Младо-Сморчковский мог оставить отечество без разрешения. Сап.

сердце, конечно, само подскажет тебе, добрый читатель!

Он улыбался, а я... я мог только плакать!

Я положил: эти пятьдесят тысяч (все английским золотом, ибо Англия, желая окончательно унижить Францию, не мало способствовала перевороту 2 декабря) хранить навсегда в шкатулке, подаренной мне... кем? – но, наверное, и это подскажет тебе твое сердце, добрый читатель!⁷⁷

Приняв прежнюю фамилию Младо-Сморчковского, я возвратился в отечество.

В это время я впервые почувствовал, что и для меня наступило утомление, этот неизбежный спутник той изнурительной деятельности, которой я предавался в течение всей моей жизни. Я понял, что настало время, когда я могу следовать моим наклонностям лишь на свободе, то есть не всегда и не во всяком случае, но лишь тогда, когда сам сюжет невольно увлечет меня за собою. Я предложил руку и сердце прелестной маркизе де ла Кассонад и, получив за ней пятьсот тысяч в приданое, удалился от дел.

Ныне я живу в имении моем, в Пензенской губернии, Саранского уезда, который, во время известной крестьянской катастрофы, благодаря благосклонному содействию соседа моего, тайного советника Ж***,

⁷⁷ Стало быть, и процентов на них не получается? Сап.

попал в число наименее оскорбленных относительно высшего размера крестьянских наделов.⁷⁸ В имени моем нет ни одного клочка земли, который не принес бы сторицею, а единственная гора, изобилующая песком и глиною, отдана в надел. Сверх того: я владею золотыми приисками в Сибири и прелестнейшей дачей на южном берегу Крыма, которая, сверх удовольствий, ежегодно доставляет мне на пятьдесят тысяч рублей виноградного вина. Детей своих я воспитываю в страхе божием.

Общие замечания на сие сочинение

Мысли, руководившие сочинителем, весьма похвальны, слог гладок и местами увлекателен, знаки препинания расставлены верно... но и за всем тем впечатление, производимое на душу читателя, нельзя назвать ни полным, ни совершенно удовлетворительным.

Во-первых, выбор карьеры сделан весьма неудачно. Благородные юноши охотнее имеют дело с лаврами и миртами, нежели с кастетами и отмычками. Не отрицаю, сии последние орудия тоже могут быть

⁷⁸ Столь все сие таинственно, что невозможно читать без размышления. Но даже и при размышлении нет никакой руководящей нити. Решительно, надо эту манеру оставить. Сап.

во многих случаях полезными, но употребление их по назначению обыкновенно предоставляется людям с низкими свойствами души. Возьмем для сравнения хоть хлеб; никто, конечно, не скажет, что он бесполезен, однако приготовлением его занимаются хлебопеки, а не действительные статские советники. Сии последние не производят, но потребляют, а ежели, по временам, и производят, то не иное что, а токмо действия, приводящие душу в умиление, как, например, способствуют изданию законов, как сенатор Трощинский, или бряцают на лире, как Державин.

То же должно сказать и о подслушивании, составляющем основной элемент избранной автором карьеры. Оно необходимо, но не всегда безопасно, и потому лучше предоставить оное людям низкого звания.

Во-вторых, неудача в выборе карьеры невольным образом увлекла автора к исследованию некоторых непристойностей, которые ему еще довольно рано знать. Трудно понять, откуда он мог почерпнуть столь обстоятельные сведения о сем предмете, но можно подозревать, что они составляют плод частого обхождения в лакейской и девичьей. Юность в сем отношении весьма бывает опрометлива. Гоняется за эфемерными удовольствиями, которые доставляет зрелище вольного обращения здоровых парней с краснощеками девицами, – и небрежет существенным, то

есть науками! увлекается манящим видом цветущей поверхности – и не видит бездны!!

В-третьих, о приведенных в сочинении двух примерах заговоров не знаю, что и заключить, но кажется, что это выдумка не весьма вероятная. Что такое эта «игра в губернии», заменившая, по словам автора, игру в дураки? и каким образом принц Шарман, превращенный злым волшебником в медведя, мог вдруг вновь обратиться в принца Шармана и обнимать спасшего его от смерти автора? Если автор имел некоторый чародейственный секрет, то он должен был оный изложить. Впрочем, едва ли могут даже существовать такие секреты, которые в состоянии были бы сделать из медведя что-либо другое, кроме дикого зверя. Вот почему подобных вольностей лучше всего остерегаться.

И еще замечено: большое пристрастие к деньгам и слишком свободное ими распоряжение. *Сапиентов.*

Добрый патриот

(Сочинение 10-летнего Вани Младосморчковского)

У одной старой слепенькой кротихи родился маленький кротик. И этот кротик был большой шалун, потому что очень часто выбегал из своей норы, чтобы

порезвиться там, где ему казалось просторнее и светлее. И вот однажды старая слепенькая кротица возвращается раньше обыкновенного домой с ношею самых спелых орехов, которые она каждый день собирала про запас на зиму, и не застаёт в норе маленького кротика. И вот можете себе представить отчаяние бедной слепенькой матери, у которой только и была одна опора в старости! И бог знает, что она не передумала до той минуты, покуда не воротился маленький кротик на сей раз, однако ж, благополучно.

– Но зачем же ты, друг мой, выбегаешь из нашей норы? – упрекнула его старая слепенькая кротица.

– Да мне, маменька, здесь скучно! – отвечал неопытный маленький кротик.

– Но отчего же тебе, глупенький, скучно?

– Да тут у нас, маменька, и сыро, и тесно, и темно, а там, наверху, аленькие цветочки цветут, пестренькие птички поют, ветерочки теплые дуют и светит ясное солнышко!

– А-а-ах! глупенький ты, глупенький! – молвила старая слепенькая кротица, покачивая головой, – да знаешь ли ты, что эту сырую и темную нору ты должен любить больше всего на свете!

– Да почему же, маменька?

– А потому, что это твое отечество!

Конец.

Педагогическая отметка. Мысль не дурна, и язык зверей употреблен весьма к месту! Но кратко, и потому на будущее время надо стараться быть более обстоятельным. Еще одно замечание: союзы не всегда употребляются правильно, а в иных местах есть даже лишние. *Сапиентов.*

Добрый патриот

(Сочинение 8-летнего Паши Младосморчковского)

Однажды милая мамаша взяла Пашу Младосморчковского за головку и спросила:

– А знает ли эта маленькая головка, что такое значит добрый патриот?

– Нет, милая мамаша, – отвечал Паша, – не знает, потому что она маленькая!

И милая мамаша поцеловала Пашу и отпустила гулять.

Конец.

Педагогическая отметка. Наверное, гулять не отпустила, но, быть может, оставила без последнего кушанья. И маленькой головке стыдно не знать вещь столь обыкновенную. На будущее время подобные оправдания, ни в каком случае, не будут приняты во внимание. *Сапиентов.*